
АННА МОРТМЕЙН
СОЗВЕЗДИЕ
ПОВАРИ
ВЕТЛЯНКА В СИНЕМ ШЕЛКЕ

Анна Мортмейн

Созвездие Новари: беглянка в синем шёлке

https://litres.ru/74715962

Аннотация

ОНА — БЕГЛЯНКА МЕЖДУ МИРАМИ. ОН — ВОПЛОЩЁННАЯ ТАЙНА ВСЕЛЕННОЙ. ИХ СОЮЗ БЫЛ НЕВОЗМОЖЕН...

В мире, где каждая эмоция женщины под контролем, а её тело — всего лишь сосуд, Новари совершает непростительное преступление. Она срывает с себя шидр — технологический кокон, скрывавший её от чужих взглядов. Её побег оборачивается падением в неизвестность, где единственный шанс на выживание — довериться тому, чья сущность пугает больше, чем погоня.

Тирхаар — последний, кого она хотела бы видеть своим спасителем. Загадочный чужеземец, чьи глаза хранят отсветы далёких галактик. Он предлагает то, отчего у неё застывает кровь: выбор там, где её приучили видеть лишь долг. Свободу там, где всегда были только цепи.

Но наследие её расы не отпускает так легко. По пятам идут те, для кого она — украденное достояние. И теперь Новари предстоит решить: довериться ли мужчине, чьи намерения она

не может прочитать, или бежать одной, обрекая себя на вечное одиночество.

Любовная фантастика Космос Авторские расы Физиология зависимости Побег до свадьбы Истинная пара

Приятного чтения! Буду благодарна за ваши комментарии и лайки. Подписывайтесь, чтобы не пропустить новости о новинках, и сохраняйте книгу к себе, чтобы вернуться к ней в любой момент!

Содержание

Глава 1. Сбой в системе 5
Глава 2. Первый шаг в бездну 18
Глава 3. Искусство быть невидимой 33
Глава 4. Первая зарплата 46
Глава 5. Новая жизнь 64
Глава 6. Снова в путь 76
Глава 7. Розовые волосы и вечная молодость 87
Глава 8. Серебристое нечто 99
Глава 9. Дрейкириане 110
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Глава 1. Сбой в системе

Я вжалась в холодную стену, слившись с тенями коридора. Сквозь щель в дверях доносились голоса, родителей этого тела. Я заставила себя дышать ровно и глубже, сосредоточившись на медленном счете, тише, сердце, не выдавай меня, чтобы эта адская тряпка не послала очередной донос.

— Не знаю, что за сбой случился неделю назад, — раздался твёрдый, как гранит, голос отца, — но сейчас все показатели в норме. Она снова послушна и смиренна. Специалист не нашёл никаких нарушений, и слава богам, иначе нам бы не поздоровилось.

— Но разве ты не видишь, как она побледнела, как потух её взгляд, — голос матери дрогнул, словно тонкая струна, готовая лопнуть, — это из-за вести о браке! Дочь не вынесет такого, она слишком хрупка…

Раздался оглушительный удар, будто кулак обрушился на металлический стол. Я невольно вздрогнула, ощущая, как вибрация, злая и резкая, словно удар бича, прошла сквозь стену и отдалась в моих ладонях.

— Хватит! Её муж — правая рука самого советника! Ты хочешь, чтобы я отказал ему, чтобы нашу семью настиг позор?!

Его слова обжигали больнее раскалённого металла. Даже стены, казалось, сжимались от страха.

— Прости… — прошептала мать, и в этом шёпоте было столько поражения, что у меня сжалось сердце, её сломали первой, здесь всех женщин ломают, но только не меня.

— После образования Кетэра всё наладится, — уже спокойнее, с ледяной уверенностью палача, произнёс отец, — она станет добродетельной женой и обретёт счастье в служении. А эти девичьи тревоги… Они пройдут. Для юной невесты это естественно.

Пока меня не обнаружили, я бесшумно скользнула в сумрак коридора и, не меняя темпа, уверенно зашагала к своей комнате, в спальню-тюрьму. Итак, старик окончательно решил — свадьбе быть. В висках застучало: нет. Нет и нет. Я не для того прошла земной ад и получила этот странный шанс, чтобы вновь променять одну клетку на другую, пусть и позолоченную.

Главная проблема висела на мне невесомым грузом — эта проклятая тряпка, Шидр, надетый поверх обычной одежды. Из обрывочных воспоминаний Новари я знала, что это не просто ткань. Он, как верный страж, в реальном времени считывает и передает данные: пульс, гормональный фон, уровень стресса, местоположение. Спасибо и на том, что мысли пока не читает, иначе мой череп уже разорвался бы от сигналов тревоги.

Чтобы вырваться из этого ада, нужно было сделать невозможное — взломать эту штуковину. Ирония судьбы заключалась в том, что у самой Новари не было ни единого полез-

ного знания на этот счёт. Никто из женщин её расы не обладал такими знаниями, и это было понятно. Если бы хоть одна девушка знала, как обмануть Шидр, отсюда многие давно бы уже сбежали.

В комнате стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь шорохом моих шагов. Здесь, за этим порогом, царил единственный в её жизни... нет, в моей жизни, крошечный мирок, куда имела право входить лишь мать. Даже отец, верховный правитель её судьбы, не смел переступать эту черту — таков был древний закон, гласивший, что лишь в собственной спальне женщина может сбросить с себя мерзкую тряпку, этот символ рабства. Жутковатое правило, ведь после замужества её личная крепость сменится на спальню мужа, где правила диктует уже он.

Дурацкие, удушающие правила. Ирония судьбы — пройти через смерть и переродиться, чтобы оказаться в теле инопланетянки, запертой в системе, куда более изощренной, чем земные тюрьмы.

С привычной, уже отточенной осторожностью я сняла Шидр. Кожа под ним вздохнула прохладным воздухом, будто впервые за день. Я повесила его на специальную выемку в стене, панель беззвучно задвинулась, унося устройство на чистку и диагностику. К утру он будет ждать меня — стерильный, бездушный и готовый вновь стать моим надзирателем.

На мне осталось лишь тёмно-синее платье в пол, с длин-

ными рукавами и высоким воротником. Да, хоть оно и было сшито из тончайшего материала, похожего на шёлк, невесомого и приятного на ощупь, его крой по-прежнему скрывал каждую линию тела. Местная фишка, едко отметила я про себя. Скрыть, запереть, не дать ни единого намёка на личность. Даже наедине с собой.

Я подошла к зеркальной поверхности на стене — здесь это заменяло привычное стекло. Из глубины на меня смотрела незнакомка. Новари. Тёмно-серая, почти матовая кожа, отливающая под светом перламутром. Темно-синие, цвета индиго, волосы, тяжёлые и густые, волнами спадавшие до талии. И глаза... огромные, миндалевидные, цвета расплавленного золота. В них плескался чужой ужас и моя, выстраданная земная решимость. Да, она была прекрасна.

Медленно, будто совершая ритуал, я провела рукой по своим волосам, затем дотронулась до щеки. Кожа была прохладной и идеально гладкой. Не моя. Тяжело было свыкнуться с новой собой, когда я очнулась в этом теле неделю назад.

Внезапно дверь в спальню беззвучно отъехала. На пороге стояла мать, её лицо было бледным, а глаза опухшими от слёз. В руках она сжимала небольшой предмет, похожий на изящный металлический шар.

— Доченька... — её голос дрогнул. — Я принесла тебе успокоительное. Ты должна отдохнуть перед... перед важным днём.

Она сделала шаг вперёд, и её пальцы нервно сжали шар. Я

почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это было не успокоительное. Я помнила из обрывков памяти Новари — такие устройства использовались для принудительной седации, если девушка проявляла непокорность.

Мать смотрела на меня с такой смесью любви и ужаса, что у меня сжалось сердце. Она знала. Знала, что происходит, и была слишком слаба, чтобы остановить это. Но она была готова усмирить собственную дочь ради иллюзии её же безопасности.

Я встретила её взгляд — спокойный, прямой, без тени прежнего страха.

— Спасибо, мама, — мой голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Но мне это не нужно. Я совершенно спокойна.

Её пальцы сжали шар так, что костяшки побелели. В её глазах читалась настоящая паника. Она боится, что я сорвусь. Боится за меня. Боится за себя.

— Пожалуйста, не усложняй, — она попыталась вложить в голос строгость, но получилось скорее жалобно. — Отец не позволит...

— Отец, — я мягко перебила её, — уже всё решил. А я... я ещё нет.

Я не стала ничего больше объяснять. Просто стояла и смотрела на неё — чужая душа в теле её дочери, готовая на всё, чего настоящая Новари никогда бы не совершила. Молчание повисло между нами, тяжёлое и звенящее.

Мать первая опустила глаза. Она судорожно сглотнула,

оставила шар на столе и, не сказав больше ни слова, развернулась и вышла. Дверь закрылась за ней.

Я осталась одна. Словно бабочка, заточённая в коконе, который сама же должна была разорвать. До свадьбы оставалось совсем немного времени. Мой побег должен был случиться сегодня. Ночью.

Я осталась одна, и тишина в спальне зазвенела по-новому — теперь в ней слышался отсчёт времени до моего побега или до моего конца. Нет, — резко поправила я себя. — Только побег. Другого конца я для себя не допущу. Я уже проходила через смерть один раз.

Мой взгляд упал на гладкую стену, скрывшую Шидр. Эта высокотехнологичная штучка была моей главной проблемой и… единственным ключом. Нужно было не сломать её — это невозможно без специального оборудования. После того как я порылась в воспоминаниях Новари и увидела функционал изнутри, кое что поняла. Нужно было её обмануть. И у меня был план.

Откуда знания? Я не была инженером на Земле. Я была женщиной, которая годами выживала в токсичных отношениях. Я научилась скрывать страх под маской покорности, прятать ненависть за улыбкой, думать о побеге, пока мои руки дрожали от сдержаных слёз. Я стала экспертом по обману систем контроля — пусть и человеческих, а не инопланетных. Принцип тот же: изучить правила и найти в них лазейку. Понять ожидания надзирателя и сыграть именно ту роль,

которая их усыпит.

Для начала, я вызвала Шидр и надела его. После легла на кровать, приняв позу уставшей, подавленной девушки, и закрыла глаза. Изнутри, сквозь веки, я изучала интерфейс Шидра — те самые строки данных, что проецировались мне на сетчатку. Пульс, кожно-гальваническая реакция, гормональная панель… Система искала отклонения от базовой линии «спокойной ашхаритки». Что ж, я дам ей отклонения. Но не те, которых она ждёт.

Я начала методично, как актриса, готовящаяся к роли, вызывать в памяти самые унизительные моменты из прошлой жизни. Принудительное заточение в четырёх стенах. Оскорбления, которые нужно было глотать, улыбаясь. «Ты никому не нужна. Ты ничего не стоишь. Ты моя собственность». Тело откликнулось знакомой дрожью, желудок сжался в комок. Датчики зафиксировали всплеск кортизола, учащённое сердцебиение. Идеально. Пока система диагностировала «тревожность невесты», мой внутренний наблюдатель, та самая несломленная часть меня, холодно констатировала: «Хорошо. Удерживай уровень. Стабильный, предсказуемый стресс. Не истерика, а фоновая паника».

Пока моё тело изображало классическую жертву, мой разум начал работу, невозможную для настоящей Новари. Не зря я на Земле была системным аналитиком — годами искала уязвимости в сложнейших алгоритмах, чтобы защитить данные. Теперь эти же навыки спасали мою жизнь. Я ста-

ла мысленно решать задачи. Сначала простые — расчёт времени до заката солнца (здесь, правда, было искусственное освещение). Потом сложнее — я представила звездолёт. Годы, проведённые в заточении на Земле, я компенсировала голодным поглощением знаний. Астрономия, физика, расчёты траекторий — это был мой побег в иные миры. Теперь этот побег становился реальным. «Угол атаки, масса, гравитация ближайших небесных тел…» Мозг горел. Это была чистая, абстрактная математика, не связанная с моим текущим «эмоциональным состоянием».

Я создавала когнитивный диссонанс. Система Шидра, настроенная на примитивную корреляцию «стресс тела = хаотичные мысли», фиксировала аномалию. Высокоуровневая структурированная мозговая активность на фоне физиологического страха. Для её алгоритмов это был сбой, «помеха в сигнале». В её логике начал формироваться баг.

Следующий шаг был рискованнее. Я подошла к панели контроля климата в комнате — одной из немногих вещей, которой я могла управлять. Медленно, градус за градусом, я подняла температуру до комфортного максимума, а затем чуть выше. В комнате стало душно. Одновременно я усилила внутренний накал, вспомнив момент своей гибели. Не боль, а ярость. Ярость от несправедливости, от несложившейся жизни.

Моё тело нагревалось изнутри и снаружи. Датчики Шидра, уже сбитые с толку моими «мысленными вычисления-

ми», зафиксировали критический перегрев. Защитный протокол… Сработал. Я почувствовала едва уловимую вибрацию и увидела, как дисплей на мгновение погас, а затем зажёгся вновь. Локальная перезагрузка. Сердце ёкнуло от предвкушения. На несколько минут система отключилась от центрального сервера, чтобы стабилизировать работу. Я была в слепой зоне.

Я тут же продублировала «штатный» режим — ровное дыхание, спокойный пульс, который нарабатывала часами медитаций на Земле. В буферную память Шидра записывались идеальные показатели. Когда связь восстановится, в центральном сервере не будет никаких следов моего «сбоя». Только данные о том, как расстроенная невеста успокоилась и уснула.

Я повторила этот цикл ещё два раза за вечер, каждый раз вызывая искусственный «сбой» и возвращая систему в норму. Я приучала её к аномалии, делая её частью своего фонового состояния. К полуночи я была уверена в двух вещах: я измотана до предела, и Шидр больше не был для меня проблемой. Он стал инструментом, в прошивке которого я прорубила себе лазейку.

Когда в коридорах наступила ночная тишина, я встала с постели. Моё тело гудело от усталости, но разум был ясен и холоден. Я подошла к выходу из спальни и дверь беззвучно открылась.

«Пора», — подумала я, и в этом слове не было ни страха,

ни сомнений. Только знание цены и готовность её заплатить.

Я шла в сторону уборной, транслируя спокойствие. Очень странно, но туалет и ванна всегда была в отдалённом углу дома, как раз рядом с чёрным ходом.

Разумеется, — мысленно усмехнулась я. Куда же ещё определить помещение для «грязных» естественных потребностей, как не подальше от глаз, желательно рядом с выходом для отбросов. Логика ашхаритов безупречна: если женщина — сосуд, то и отправлять нужду она должна в положенном для сосудов месте — у задней стены, рядом с мусоропроводом.

В этом прослеживалась какая-то детская, почти умилительная прямолинейность. Всё, что связано с телом, с его низменными функциями, должно быть спрятано, задвинуто в самый тёмный угол. Видимо, они искренне верили, что, отдалив туалет, они смогут отдалить и саму мысль о том, что их драгоценные «сосуды» — такие же биологические организмы, которым необходимо опорожняться. Привет, гигиеническая шизофрения.

Но сегодня эта их причуда играла мне на руку. Каждый мой шаг по направлению к уборной был абсолютно оправдан. Даже если бы кто-то увидел меня в коридоре, всё было бы списано на «девичьи нужды».

Я вошла в прохладное, минималистичное помещение, дверь беззвучно закрылась за мной. Сердце забилось чаще, но не от страха, а от предвкушения. Пора. Чёрный ход был

тут, за скрытой панелью, предназначенной для слуг, вовремя я решила подслушать их разговор. И ключ к нему висел на стене в виде безобидного устройства для подачи воды. Какая изобретательность.

Создав очередной когнитивный диссонанс — представляя сложные астронавигационные расчёты, пока моё тело демонстрировало все признаки лёгкого недомогания, — я снова вынудила систему перезагрузиться. Встроенный дисплей шидра на мгновение погас, и я мысленно усмехнулась. Разбирайтесь, голубчики. Ломайте головы над тем, почему у «спокойной и смиренной» невесты вдруг такие странные скачки активности. Пока вы будете строить гипотезы, меня здесь уже давно не будет.

Это была идеальная лазейка. Система безопасности, созданная для контроля над податливыми, сломленными душами, оказалась беспомощной перед волей чужеродной души.

Пока Шидр перезагружался, я позволила себе глубокий, освобождающий вдох. Воздух в уборной показался мне слаще нектара. Он пах свободой.

Открыв скрытую панель, я выскользнула в узкий служебный коридор и быстрым шагом направилась к выходу. Слава всем земным и инопланетным богам, он был здесь всего один, иначе мой побег закончился бы, не успев начаться, где-нибудь в тупике перед складом белья.

По дороге я сдернула с себя Шидр и судорожно, с на-

слаждением вдохнула прохладный воздух. Ах, как же за эту неделю мне осточертела эта блестящая душащая тряпка. Скомкав ненавистный кокон, я затолкала его в сумку, собранную за несколько дней до этого — в тот самый миг, когда до меня окончательно дошло: пора делать ноги, пока меня не подарили следующему «хозяину» в красивой упаковке.

Дверь наружу отъехала беззвучно. Я вышла под странное, фиолетовое небо, где висели две луны — одна крупная и серебристая, другая поменьше, с зеленоватым отливом. На мгновение я застыла, глядя вверх. Да. Я и правда была не на Земле. Никаких сомнений.

Где-то тут, в этих идеальных, стерильных домах, сидели другие женщины ашхаритов. Пожизненные затворницы, которых выпускают на свет, словно дорогие безделушки из сейфа, — только чтобы посватать или похвастаться перед другими такими же чёртовыми мужчинами. Ну уж нет. С этим покончено.

Я глубже натянула капюшон и шагнула вперёд, навстречу чужому миру, навстречу свободе, пахнущей чужими звёздами.

***

Знаете, что помогает автору писать быстрее? Не кофе и не дедлайны. А ваши живые слова в комментариях. Когда я вижу, что вам правда интересно, — внутри зажигается огонек, и строчки летят одна за другой

Поделитесь впечатлениями, мне правда это бесценно. А следующая глава прибежит к вам сразу, как только я почувствую ваш отклик

Глава 2. Первый шаг в бездну

Я двинулась вперёд, придерживаясь теней. Улицы были почти пустынны — по меркам этой планеты, видимо, была ночь. Светились только странные шарообразные фонари, парящие в воздухе и отбрасывавшие неестественно ровные круги света на тротуар из перламутрового камня.

«Куда идти?» — этот вопрос горел в сознании. План был до гениальности прост: выжить, добраться до космопорта и улететь с этой проклятой планеты. Но как это сделать без денег, документов и малейшего представления о местных порядках?

Внезапно из переулка донёсся шум — приглушённые голоса и звук удара. Я прижалась к стене, затаив дыхание. Из темноты вывалились двое мужчин ашхаритов, явно не из высшего общества — их одежда была проще, а движения резкими. Они волокли какую-то женщину. Не ашхаритку — на ней не было Шидра и её кожа отливала медным оттенком.

— Ещё раз сунешься в наш квартал, краснозадая, — прошипел один из них, — и мы тебя не просто выбросим, а утилизируем через мусорный шлюз. Поняла!?

Женщина выпрямилась, её медное лицо исказила презрительная усмешка.

— Да вы и сами-то здесь только мусор и таскаете, — её голос звенел ледяной язвительностью. — Мечтаете хоть тень

ашхаритки в Шидре увидеть? Да она по вашей улице в летающей колымаге пронесётся, и вам даже прах под колёсами её не покажется. Вы для неё ничто, хуже пыли.

Её слова сработали, как удар хлыста по голой коже. Ближайший мужчина, тот, что был грубее, взвыл от бессильной злобы и со всей силы пнул её сапогом в живот.

— Заткнись, отродье! — прохрипел он, пока женщина, захлебнувшись воздухом, согнулась пополам и беззвучно осела на колени. В её глазах теперь плескалась не только ярость, но и настоящая боль, смешанная с горьким торжеством: она попала в самую суть.

Моё сердце заколотилось где-то в горле. Не лезь, Нова. У самой проблем выше крыши. Пройди мимо. Но её взгляд — униженный, яростный, полный отчаяния — был таким знакомым. Таким… земным. Таким родным.

Прежде чем разум успел остановить тело, я сделала шаг из тени.

— Оставьте её, — мой голос прозвучал тише, чем я ожидала, но в тишине ночи он прозвучал, как выстрел.

Оба мужчины замерли, развернувшись ко мне. Их глаза, привыкшие видеть лишь покорных женщин в Шидрах, расширились от шока и непонимания. Они увидели черты своей расы — серую кожу, синие волосы, золотые глаза. Но я стояла перед ними с открытым лицом, без покрова. В их мире такое было немыслимо. Инстинктивная, дремучая часть их сознания, воспитанная тысячелетиями традиций, кричала о

святотатстве, о нарушении самого естественного порядка вещей. Но в то же время, их разум фиксировал знаки высокого статуса — идеальную кожу, ухоженные волосы, драгоценные браслеты на запястьях. В их системе координат женщина ашхаритской крови, осмелившаяся показать лицо чужим мужчинам и при этом не дрожащая от страха, могла быть только одной — извращённой изгнанницей, на которую не распространяются обычные правила, либо… кем-то, чья воля и положение настолько сильны, что она ПРИКАЗЫВАЕТ этим правилам отступить. Мой прямой взгляд, моя осанка и тон говорили именно о втором. Их замешательство было мгновенным, но полным. Они застыли, парализованные внутренним конфликтом между привычкой к повиновению и шоком от увиденного.

— Кто ты такая, чтобы указывать? — прорычал тот, что был ближе, но в его голосе уже не было прежней уверенности, только растерянная злоба.

— Разве мои слова звучат как указания? — мой голос был холодным и ровным, будто я констатировала факт. — Это предупреждение. Ваш господин будет недоволен, узнав, что его подчинённые занимаются таким... плебейским делом, как нападение на женщин в ночных переулках. Или вы действуете без его ведома? Или, быть может, вы и вовсе не на него работаете, а просто рядитесь в его цвета? — я едва заметно кивнула на опознавательные знаки на их простой униформе.

Я блефовала, конечно же, но блефовала, играя на их страхе перед системой, частью которой они были. Я видела, как они переглянулись. Сомнения, посеянные мной, давили сильнее, чем моё дерзкое появление. Идея ответить перед настоящим хозяином или быть уличенными в самозванстве явно испугала их.

— Убирайтесь, — прошептала я, и в этом шёпоте внезапно зазвучала сталь. — И забудьте, что видели меня. Для вашего же блага.

Они постояли ещё мгновение, затем тот, что был грубее, буркнул что-то неразборчивое и, толкнув напарника, скрылся в темноте переулка. Второй, бросив на меня взгляд, наполненный смесью страха, ненависти и непроходящего недоумения, последовал за ним.

Я подошла к женщине, всё ещё стоявшей на коленях.

— Всё в порядке? — спросила я, протягивая руку.

Она отшатнулась от моей руки и подняла на меня взгляд, полный животной подозрительности. Её медная кожа блестела в свете фонарей.

— Ты кто? — выдохнула она, по-прежнему не двигаясь с места. — Одна из них. Ашхаритка. Но без... — она сделала резкий жест рукой у своего лица, обозначая отсутствие Шидра, и её взгляд выразил даже большее потрясение, чем у тех мужчин.

— Я та, кто только что отвёл от тебя неприятности, — парировала я, опуская руку. Помощь здесь, видимо, не жало-

вали. — Мне нужен космопорт. И... проводник.

Женщина медленно поднялась на ноги, отряхивая колени. Её движения были резкими, угловатыми.

— Космопорт? — она фыркнула, и в этом звуке слышалось что-то похожее на горькую усмешку. — Тебя там в клочья порвут. На тебя даже смотреть запрещено без этой тряпки. Ты что, с астероида упала?

«Если бы ты знала, насколько близка к истине», — промелькнуло у меня в голове.

— Упала не упала, но улететь отсюда собираюсь, — твёрдо сказала я. — Можешь указать дорогу? Я заплачу.

Это привлекло её внимание. Её алые глаза сузились.

— Чем? — бросила она с вызовом. — Одежда? Украшения? У ашхариток нет своих денег, только то, что на них нацепят хозяева. Ты что, украла у своего?

Я не стала отвечать. Вместо этого я достала из складок платья тот самый металлический шар, который моя «мать» пыталась вручить мне для усмирения. Он был сделан из какого-то сложного сплава и, судя по воспоминаниям Новари, стоил немало.

— Этого хватит? — спросила я, подбрасывая шар на ладони.

Её глаза загорелись хищным блеском. Она кивнула в сторону узкой, плохо освещённой улицы.

— За мной, госпожа без-покрова. Покажем тебе дорогу к звёздам.

Мы двинулись по лабиринту узких улочек, уходящих вглубь квартала, который явно не красовался на парадных голографических открытках. Я следовала за своей невольной спутницей, стараясь запоминать повороты. Воздух здесь пах иначе — не стерильной чистотой центральных районов, а озоном, пряными специями и чем-то ещё, неуловимо механическим.

— Меня зовут Зера, — бросила она через плечо, не замедляя шага. После недолгой тишины, где я не удосужилась представиться в ответ, она продолжила: — А тебя, я полагаю, нет? — в её голосе снова проскользнула та же едкая усмешка.

— Пока нет, — честно ответила я. Имя «Новари» было клеймом, от которого я бежала.

Зера лишь хмыкнула, словно и ожидала такого ответа. Мы свернули в арку, и перед нами открылся вид на огромное, освещённое неоном здание, больше похожее на завод, чем на космопорт. Это был хаос из сияющих рекламных табло, рёва двигателей и толпы самых разных рас. Люди — или существа, их заменяющие, — сновали туда-сюда, грузили ящики, орали друг на друга на десятках языков. После гнетущей тишины ашхаритских кварталов это било по чувствам, как удар током.

— Добро пожаловать в настоящее сердце города, госпожа без-покрова, — Зера широко раскинула руки, будто представляя мне собственное владение. — Здесь можно купить, продать или украсть всё что угодно. Включая билет на тот

борт, — она кивнула на ближайший грузовой корабль, с которого свисала трап-сеть, и по ней карабкались какие-то коренастые существа в защитных комбинезонах.

Меня охватила смесь восторга и ужаса. Я была на правильном пути, но один взгляд на этот хаос говорил, что просто купить билет и улететь не выйдет. Мне нужны были документы, деньги, план... и удача. Очень много удачи.

— Спасибо, — сказала я, протягивая ей шар. — На этом наши дороги, наверное, расходятся.

Зера ловко поймала его, её пальцы сжали добычу с жадностью, но она не уходила. Она сунула шар в карман и скрестила руки на груди.

— Одна ты здесь не выживешь, — констатировала инопланетянка, окидывая меня оценивающим взглядом с головы до ног. — Через пять минут тебя либо отведут в участок за нарушение общественной морали, либо попросту ограбят. Тебе нужен гид. Настоящий.

— И что ты предлагаешь? — с надеждой спросила я.

— Слушай сюда, аристократка. Чтобы улететь, нужны четыре вещи: поддельные чипы, деньги, причина, по которой грузчик тебя не вышвырнет в шлюз при первом же осмотре, и хоть какая-то легенда. Без цифрового следа ты мусор, который не пустят даже в трюм, — она указала пальцем на грузовой корабль, у которого мы стояли. — Видишь «Стального Койота»? Экипаж — сплошь отбросы с пяти систем. Капитан берёт пассажиров, если платят хорошо, не задают во-

просов и имеют хоть какую-то запись в портовой базе. Пусть фальшивую, но имеют.

Она выдержала паузу, чтобы до меня это дошло.

— Моя подруга не только одеждой торгует. У её брата есть... скажем так, кустарный терминал. Он может прошить тебе временный код мигранта. Срок действия — три стандартных цикла. Данные стёрты из центрального реестра, но на случай поверхностной проверки у шлюза или на Нексусе — сойдёт. Будет стоить...

Она многозначительно посмотрела на моё платье. — Но даже с чипом, в шелках туда не пустят. Выдашь себя с первого взгляда.

Мой взгляд скользнул по её поношенной куртке и практичным штанам.

— У тебя есть идея? — спросила я, хотя ответ был очевиден.

— Идея есть. — Зера сложила руки, как заправский переговорщик. — Пакет «всё включено». Я получаю для тебя: рабочую одежду, временный чип мигранта, точное время выхода «Койота» и договорённость с его бортмехаником, который занесёт тебя в реестр корабля как «сменный грузчик» (очень условно, но для отвода глаз). Плата: всё ценное, что при тебе. Здесь и сейчас. Идёт?

Она помолчала, изучая моё лицо.

— Договорились, госпожа без-покрова? Или хочешь попробовать пойти в космопорт и попросить билет в первом

классе на стойке регистрации?

После моего молчаливого кивка уголки её губ дрогнули в подобии улыбки, приоткрывая острые акульи зубы. Вот же жуть...

— Работаем. Сначала чип. Жди здесь. Не двигайся с места и старайся не смотреть никому в глаза. — она резко развернулась и скрылась в толпе.

Я прижалась спиной к прохладной стене. Теперь у страха появилась конкретная форма: цифровая проверка. Мысль о том, что меня могут вычислить не по лицу, а по отсутствию кода в системе, была леденящей, но и обнадёживающей — значит, у Зеры есть связи, и план обретает черты реальности.

Она вернулась быстрее, чем в прошлый раз, с маленьким, плоским устройством в руке, похожим на пластырь.

— Руку. Запястье.

Я безропотно протянула руку. Она наклеила устройство на кожу. Было короткое, болезненное жжение, словно укол. Устройство отвалилось, рассыпавшись в пыль. На месте остался лишь едва заметный блестящий след, похожий на татуировку-штрих-код.

— Всё. Теперь ты — Зора, подёнщик с Тантоса-5. Не говори, если спросят, ашхаритка ли ты, просто полукровка. Твой вид и так вызовет вопросы, но чип хоть как-то прикроет. Держи.

Она сунула мне в руку потрёпанную пластиковую карточку с тем же номером, что и на «татуировке». — Это физиче-

ская копия. Можешь выбросить, как только сядешь на борт. А теперь одежда.

Через несколько минут она вернулась со свёртком из грубой ткани.

— Держи, — бросила она мне, озираясь по сторонам. — Переоденься. Быстро.

Я развернула свёрток. Внутри лежали поношенные, но чистые штаны из прочного материала, просторная толстовка с капюшоном и потрёпанные рабочие ботинки. Идеальный камуфляж.

— Спасибо, — сказала я искренне.

— Не благодари, — отрезала Зера. — Капитан «Койота» согласен. Старт через пятнадцать минут. Стоимость — всё, что у тебя осталось ценного. Я отдала за чип и одежду твой шар, так что теперь в счёт оплаты за проход идёт твоё платье. Шёлк тут в цене, его примут как валюту.

Она пристально посмотрела на меня, и её взгляд скользнул к моим ушам.

— И, думаю, тебе больше не к лицу эти безделушки в рабочем отсеке грузового судна, — её голос стал сладким и убедительным. — Могут привлечь лишнее внимание. Лучше снять. Давай сюда, я пристрою.

Я машинально дотронулась до моих серёжек — изящных подвесок из того же белого металла, что и браслеты, с мелкими, но ярко мерцающими камнями. Воспоминания Новари подсказали: это фамильные драгоценности, подарок ма-

тери. Крайне ценные. Но что они для меня сейчас? Пережиток жизни, которую я отвергала. Я без колебаний сняла их и протянула Зере.

— Теперь мы квиты, — удовлетворённо кивнула она, быстро пряча добычу. — Всё честно. Информация, чип, одежда, безопасный проход к трапу — за шар и украшение. А твоё платье — это уже твой личный билет.

Мой взгляд упал на свёрток с синим платьем. Ещё один шаг, и я буду свободна. По-настоящему свободна.

— Договорились, — твёрдо сказала я. — Веди.

Я быстро переоделась за углом, свернув синее платье в тугой рулон. Грубая ткань рабочей одежды казалась невероятно удобной после сковывающего дорогого шёлка. Я натянула капюшон, скрывая свои слишком заметные волосы.

— Лучше, — кивнула Зера, окинув меня оценивающим взглядом. — Теперь слушай. Мы идём к док-станции В-7. Ни слова по дороге. Я говорю — ты платишь. Поняла?

Я кивнула, сжимая в кармане свёрток с платьем. Это была теперь не одежда, а плата за проход.

Мы затерялись в гуще портовой суеты. Зера шла уверенно, лавируя между грудами ящиков и спешащими грузчиками. Я старалась не отставать, повторяя её движения, стараясь казаться такой же уверенной.

Вот он — «Стальной Койот». Вблизи корабль выглядел ещё более обшарпанным. У трапа нас ждал крупный мужчина с шрамом через левый глаз. На миг я почти запнулась.

Фиолетовый оттенок его кожи, влажные жабры, пульсирующие вместо ноздрей на плоском лице, — всё это было так чуждо, что дыхание перехватило. Я почувствовала себя дикарём, впервые вышедшим из пещеры.

Где-то позади, у грузового люка, сидело на ящиках существо, похожее на груду подвижных, переливающихся кристаллов, издававших тихий, мелодичный звон. Мимо прошла пара гуманоидов в комбинезонах, их кожа отливала перламутром, а глаза были сплошными чёрными склерами. Воздух гудел не только от машин, но и от десятков незнакомых гортанных, щёлкающих, шипящих языков. Я заставила себя выдохнуть и сделать шаг вперёд, стараясь не пялиться. Бежать от одних чужих к другим — вот ирония моего спасения.

— Это она? — буркнул мужчина с шрамом, разглядывая меня без особого интереса. Я поняла его с первого слова — мой имплантированный переводчик, стандартная часть экипировки любого высшего ашхарита, беззвучно перевел грубый космопортовый жаргон. Спасибо, папочка, за эту маленькую привилегию. Она может спасти мне жизнь.

— Она, — кивнула Зера. — Зора, подёнщик. Чип в порядке. Готова к оплате.

Я протянула свёрток с платьем. Мужчина развернул его, на секунду задержал взгляд на тонком шёлке, провёл пальцем по ткани, оценивая качество.

— Ладно, — проворчал он, отступая в сторону. — Поднимайся. Только предупреждаю — одно неверное движение,

и тебя выставят в ближайшем астероидном поле.

Сердце заколотилось в груди. Я сделала шаг по трапу, затем другой. Прохладный воздух смешался с запахом смазки.

Я на борту. Осталось только пережить взлёт и я свободна.

Трап с грохотом задвинулся, отсекая меня от прошлой жизни. Я стояла в узком, слабо освещённом грузовом отсеке, пахшем металлом и чем-то неприятным. Воздух вибрировал от работы систем корабля. Где-то в глубине корпуса послышался нарастающий рёв, и пол под ногами задрожал.

Невесомость? Нет, пока только вибрация, густая и всепроникающая, но этого было достаточно, чтобы сознание закружилось. Мой первый полёт. В космос. Я лечу в космос. На Земле я могла лишь смотреть на звёзды из окна своей клетки, читать о них в книгах, которые приходилось прятать. А теперь... теперь я была среди них.

— Эй, новенькая! Не стой столбом! — крикнул тот самый мужчина с шрамом, появляясь в проёме следующего отсека. — Зовут меня Грон. Капитан сказал — доставим до Нексуса-7. За твой шёлк. Но смотри... — он подошёл ближе, и его тень накрыла меня целиком, — у нас тут не курорт. Будешь мешать — выкинем. Поняла?

Я кивнула, сжимая руки в кулаки, но на этот раз не от страха. Я пыталась унять дрожь восторга, смешанного с благоговейным ужасом. Это было сильнее меня. Сильнее всех страхов. Я лечу в космос.

— Поняла, — выдавила я, и мой голос прозвучал чуть

хрипло от переполнявших меня чувств.

Грон хмыкнул и махнул рукой.

— Ладно. Следуй за мной. Покажу, где можно приткнуться.

Он повёл меня по лабиринту тесных коридоров. И вот тогда я увидела это. Через круглый иллюминатор в стене коридора открывалась бездна. Сначала я увидела, как док-станция медленно уплывает вниз, обнажая изогнутый горизонт планеты — серо-стальной, пустынный, но бесконечно прекрасный в своей чужеродности. А потом... потом осталась только тьма. Густая, всепоглощающая, невероятная. И звёзды. Не те тусклые точки, что я видела с Земле, а миллиарды ярких, безжалостных алмазов, рассыпанных по чёрному бархату вечности.

Я остановилась как вкопанная, прилипнув лбом к холодному стеклу. Дыхание перехватило. Господи, я же среди них. Я лечу сквозь них.

— Эй, отлипни от стенки! — крикнул Грон, но его голос долетал до меня как будто издалека.

Я с силой оттолкнулась от иллюминатора и поплелась за ним, но образ звёздного неба горел у меня в глазах. Это стоило всего. Всего страха, всей боли, всего риска. Ради этого вида.

Грон остановился у неприметной двери.

— Здесь. Это грузовой отсек. Не роскошь, но тебя не укачает.

Он ушёл. Дверь закрылась. Я осталась одна в полумраке, среди ящиков. Медленно сползла по стене на пол, обхватила колени руками и зажмурилась, всё ещё видя перед собой ту бездну. Гул корабля был теперь не просто шумом. Это была песня свободы. Дорогой, грязной и опасной, но — свободы.

Впереди был Нексус-7. Впереди была новая жизнь. А позади... позади оставалась лишь тень в синем платье, которая никогда не видела звёзд.

Глава 3. Искусство быть невидимой

Глухой удар, и дрожь, пронизывавшая корабль все эти долгие часы, наконец стихла. Мы прибыли. Голос Грона, рявкнувший из ретранслятора, вывел меня из полудрёмы, в которой я провела большую часть пути, не в силах оторваться от вида звёзд в иллюминаторе.

— Эй, груз! На выход! У нас тут не отель, разгружаемся и летим дальше!

Я встала с пола, отряхивая пыль с грубых штанов. Сердце забилось в новом ритме — не от страха побега, а от предвкушения новой жизни. Нексус-7. Само название звучало как обещание.

Трап отъехал с привычным уже скрежетом, и меня ослепил свет. Не искусственное освещение корабля, а настоящий, яркий, тёплый свет огромной звезды. Воздух ударил в лицо — влажный, насыщенный ароматами цветов, морской соли и чего-то неуловимого, праздничного. Я зажмурилась, делая первый шаг на новую землю. Контраст был ошеломляющим. После серых, строгих линий родного мира Нексус-7 взрывал сознание буйством красок и форм. Плавные, биоморфные здания белого камня тонули в зелени экзотических растений. В небе беззвучно скользили прозрачные кабины

канатных дорог, а вдали синела бескрайняя водная гладь. Повсюду сновали люди — нет, существа самых невероятных рас. Я видела крылатых гуманоидов с переливчатой кожей, высоких существ с ветвистыми рогами и существ, похожих на людей. Никто не смотрел на меня с осуждением или жалостью. Здесь я была просто ещё одной пылинкой в этом космическом карнавале.

Я застыла на месте, пытаясь вдохнуть в себя всю эту свободу. Здесь не было Шидров. Не было пристальных, контролирующих взглядов. Здесь можно было дышать.

— Эй, мечтательница! — окликнул меня Грон, грузчики которого уже начинали выносить ящики. — Ты прибыла. Наш контакт на этом окончен. Не задерживайся.

Я кивнула, всё ещё не в силах найти слова. Он махнул рукой и отвернулся, погружаясь в рутину работы.

Я сделала ещё несколько шагов вглубь этой райской планеты, чувствуя, как груз с плеч медленно, но верно спадает. Я была свободна. Я была…

Нищей.

Осознание ударило с почти физической силой. У меня не было ни кредитов, ни документов, ни крыши над головой. В карманах — лишь несколько мелких монет, оставшихся от сделки с Зерой, и свёрток с Шидром — мой последний козырь.

Мне нужно было найти работу. Пристанище. И главное — научиться быть незаметной. Потому что, несмотря на всю

кажущуюся свободу, я прекрасно понимала: моя раса не отпустит свою «собственность» так просто. Охотники уже могли быть на моём хвосте. Я натянула капюшон потрёпанной толстовки, скрывая свои слишком яркие волосы, и растворилась в праздной толпе, стараясь перенять непринуждённую походку других обитателей. Первый урок выживания на Нексус-7 начинался прямо сейчас. Искусство быть невидимой в самом людном месте галактики.

Свобода, как выяснилось, имела вкус. Сперва — сладкий, как сок незнакомого фрукта, купленного на последние кредиты. Потом — горький и солёный, как голод и пот от бесконечных блужданий по сияющим улицам Нексуса-7.

Три дня. Три дня я была призраком, скользящим по яркому карнавалу чужой жизни. Я спала, прижавшись спиной к ещё тёплым от солнца стенам био-беседок, крала с подносов, оставленных без присмотра, и прятала лицо в капюшон при виде патрулей безопасности. Моя прекрасная внешность, мои золотые глаза — всё, что на родине считалось драгоценностью, здесь стало опасным клеймом, единственной уликой. Я была слишком заметна. На четвертый день, когда в кармане оставалась одна-единственная монета, отчаяние начало подбираться слишком близко. Я свернула с парадной аллеи в сеть узких, менее ухоженных улочек, где роскошь уже не кричала, а лишь скромно шептала. И тут я увидела её.

Магазинчик «ГрокХэм». Вывеска потускневшая, витрина заставленная катушками ниток и образцами тканей. А внут-

ри — хаос. Пожилая женщина с серо-зелёной, чешуйчатой кожей и четырьмя проворными руками металась между тремя швейными машинами (хоть и не земные, но суть была понятна), пытаясь одновременно успокоить капризную клиентку в нелепой пышной шляпе и заправить нить в четвёртую, старую как мир, машинку.

— Но я должна быть на приёме у посла через два часа! — визгливо требовала клиентка, тыча пальцем в груду сияющего шёлка на прилавке. — Это мой лучший наряд!

— Дорогая моя, видите же, я одна! — пыталась возразить хозяйка, и в её голосе слышалось не раздражение, а усталое отчаяние.

Это был шанс. Не просто возможность заработать. Это был тест — смогу ли я выжить здесь не как беглянка, а как личность. Я отбросила капюшон и переступила порог. Воздух пах пылью, тканью и старым металлом.

— Я починю его, — сказала я тихо, но твёрдо.

В лавке воцарилась тишина. Клиентка смерила меня взглядом, полным снобизма, а четверорукая хозяйка — Корра, как я позже узнала — уставилась на меня с немым вопросом.

— И кто ты, чтобы делать такие заявления, дитя? — наконец выдавила она.

— Тот, кто видит проблему и может её решить. Платите после того, как оцените результат.

Я не стала ждать разрешения, подошла к прилавку, мои

пальцы сами потянулись к шёлку. Воспоминания Новари всплыли яркой картинкой: «Изнаночная сторона, шёлк-сырец, плотность переплетения нитей 380...» Я знала эту ткань. Я знала, как с ней обращаться. А земная часть меня добавила к этому знанию холодную, практичную решимость. Мой прошлый опыт работы швеёй сейчас была очень кстати.

Клиентка что-то ещё возмущённо буркнула, но хозяйка жестом остановила её, скрестив две пары рук на груди. Её взгляд изучал меня с пристрастием.

Я нашла нужные инструменты и погрузилась в работу. Пальцы летали, игла мелькала. Я не просто зашивала разрыв. Я восстановила узор, подобрав нить идеального оттенка, укрепила ослабшие швы, вернула платью его первоначальный лоск. Это была не починка. Это было маленькое чудо.

Ровно через час я протянула платье клиентке. Та, всё ещё хмурая, принялась изучать его под лупой. И на её лице появилось удивление, а затем и восхищение.

— Но... это идеально! Даже лучше, чем было!

Она щедро расплатилась с хозяйкой и, бросив на меня последний любопытный взгляд, выплыла из лавки.

Тяжёлая тишина повисла вновь. Женщина медленно подошла ко мне, её чешуйчатая кожа шелестела.

— Откуда? — коротко спросила она.

— С другой планеты, — так же коротко и честно ответила я.

Она кивнула, будто этого было достаточно.

— Зови меня Коррой. Помощница мне нужна. Настоящая. Не та, что носит в голове одни сплетни. Работаешь — получаешь еду и крышу. — Она мотнула головой вглубь лавки, где крутая деревянная лестница уходила наверх. — Второй этаж. Комната. Не дворец, но дверь там есть и она закрывается. Изнутри.

Последние два слова она произнесла с особым ударением, будто понимала их цену лучше любого другого.

Я просто кивнула, комок подступил к горлу. От облегчения хотелось расплакаться, но я держалась.

Комната оказалась бывшей кладовкой. Крошечное пространство под самой крышей, с одним круглым иллюминатором, в которое бился свет чужого солнца. Пахло деревом и лавандой. В углу стояла потертая койка, у стены — простой стул и умывальник с ручной помпой. Хоть и летают в космос, а живут так же. Я вошла внутрь, повернулась и закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал громче, чем рёв двигателей «Стального Койота».

Я прислонилась спиной к дереву, медленно сползла на пол и, наконец, разрешила себе выдохнуть. Впервые за долгие дни — недели — годы — жизни.

За дверью шумел чужой, незнакомый мир, но здесь, в этих четырёх стенах, я была в безопасности. Я была дома. Я постояла несколько минут, просто слушая тишину и гул чужого города за окном. Потом, отдышавшись, спустилась вниз.

— Есть тут какие-нибудь вещи для уборки?

Корра, не поднимая глаз от работы, жестом показала на угол, заваленный вёдрами, тряпками и прочим скарбом.

— Бери, что нужно. Уборщица из меня никудышная, — буркнула она, и мне показалось, что в её голосе прозвучало нечто вроде одобрения.

Я собрала всё необходимое — щётку, совок, тряпки из мягкой, хорошо впитывающей ткани, и вернулась наверх. Хоть это и другая планета, другая цивилизация, но вещи были привычными, земными. Первым делом я распахнула иллюминатор настежь. Свежий воздух, пахнущий специями и цветущими лилиями, ворвался в комнату, сметая запах затхлости и пыли.

Начала я с сухой уборки. Щёткой тщательно вымела все углы, сгребя в кучу пыльные комья, песок и засохшие остатки неизвестных мне насекомых, собравшиеся за то время, пока здесь никто не жил. Вытряхнула совок в мусорный мешок. Комната сразу будто вздохнула свободнее.

Потом принялась за влажную. Намочила тряпку в чистой воде (какое это было наслаждение — иметь неограниченный доступ к воде!) и протёрла все поверхности — грубые деревянные стены, подоконник, даже потолок, насколько могла дотянуться. Вода в тазу быстро темнела, смывая слои грязи. Я меняла её снова и снова, пока она не осталась прозрачной. Спустилась чтобы вылить последнюю порцию грязной воды, и застала Корру, копающейся в большом сундуке.

— На, — она протянула мне свёрток из грубой, но чистой ткани. — Постельное. Небось, спала где попало последние дни.

Я взяла свёрток, снова ощутив тот самый ком в горле. Это была не просто услуга. Это была забота. Пусть суровая и невысказанная, но настоящая.

— Спасибо, — сказала я, и это слово наконец-то прозвучало искренне, без расчёта.

— Санузел и душевая — в конце коридора, — Корра ткнула одним из пальцев в сторону. — Горячая вода по вечерам, с семи до десяти. Не опаздывай.

Вернувшись в свою комнату, я застелила койку свежим бельём. Оно пахло солнцем и свежестью. Затем, захватив скромный узелок с оставшимися вещами, я отправилась искать обещанное место для омовения.

Душ оказался крошечным помещением с кабинкой и простым санузлом. Но когда я повернула кран и оттуда хлынула струя по-настоящему горячей воды, я чуть не расплакалась от счастья. Я скинула потрёпанную одежду и подставила тело под живительные струи, смывая с себя не только грязь и пот последних дней, но и часть того невыносимого напряжения, что копилось неделями.

Вернувшись в свою комнату чистой и в свежей, хоть и старой, одежде, данной Коррой, я села на край койки. За иллюминатором зажигались огни ночного Нексуса, но теперь они не пугали. Они были просто огнями. А у меня была чистая

комната, работа и дверь, что закрывалась изнутри.

Впервые за долгое время я легла спать, не боясь завтрашнего дня.

Я проснулась от того, что луч чужого солнца упал мне прямо на лицо. На секунду я замерла, дезориентированная. Не пахло стерильным воздухом фильтров, не было давящего чувства ожидания худшего. Было тихо, светло, и за стеной доносился размеренный гул города, начинающего свой день.

Оделась в чистую одежду и накинула капюшон, надо подумать как скрыть волосы, слишком приметные. Спустилась вниз и застала Корру уже за работой. Она расставляла на прилавке катушки с нитками, сортируя их по цветам с поразительной для её четырёх рук скоростью.

— А, проснулась, — бросила она, не глядя. — Чай в котле, кружка на полке. Поела — за работу.

Я молча налила себе густого, терпкого напитка, пахнущего местными травами. Он обжёг губы, но согрел изнутри, прогоняя последние остатки сна.

— Вот, — Корра пододвинула ко мне небольшую стопку одежды. — Три заказа. На зелёном платье подшить подол. На красном камзоле заменить пуговицы, старые отдалились. А это, — она указала на изящную блузу из серебристой ткани, — порвана на локте. Нужна невидимая заплатка. Справишься?

— Справлюсь, — я отпила чаю и взяла первую вещь.

Устроилась за свободной машинкой в углу и погрузилась

в работу. Это было иначе, чем вчерашний импровизированный ремонт. Сегодня это была рутина. Размеренная, почти медитативная. Я находила в этом странное успокоение. Игла входила в ткань, нить тянулась за ней, создавая ровную, прочную строчку. Здесь всё было просто. Здесь всё подчинялось мне.

Я закончила с зелёным платьем и принялась за камзол. Пуговицы я подобрала из коробки с фурнитурой, найдя почти идеальную замену. На блузе пришлось повозиться — ткань была капризной, но я вспомнила аналогичную технику из воспоминаний Новари и аккуратно вплела новую нить в старую структуру, сделав шов практически незаметным. Готовить и шить юных ашхариток учили с детства, а опыт из земной жизни дополнял эти навыки. Думаю, я была вполне квалифицированным сотрудником.

Корра, проходя мимо, на секунду остановилась, взяв в две руки готовую блузу. Она поднесла её к свету, покрутила, пытаясь найти заплатку.

— Чистая работа, — заключила она, и в её голосе прозвучало редкое одобрение. — С такими руками тебе не в подмастерьях ходить, а свою лавку открывать. Сейчас мало кто умеет создавать одежду собственными руками, все привыкли к стандартной одежде без излишеств из автоматов. Ручная работа ценится дорого.

Взяла на заметку, значит с голоду не умру. Она положила вещь обратно на стопку и, уже отходя, бросила через плечо:

— Как звать-то тебя, мастерица?

Я на мгновение замерла. Старое имя было цепью. Новое ещё не обрело формы, но в этом месте, под взглядом этой суровой женщины, оно родилось само.

— Нова, — сказала я твёрдо. Коротко. Как взрыв звезды, давшей мне это имя.

Корра кивнула, как будто так и должно было быть.

— Нова. Звучит. Ладно, Нова, разберёшь ту кучу в углу? Там в основном перешить швы, ничего сложного. Оплата в конце недели. Будешь справляться — добавим.

Она отвернулась, но я успела заметить лёгкую ухмылку на её чешуйчатых губах. Теперь я Нова и у меня была работа.

Мы как раз разбирали очередную стопку белья, когда я, собравшись с духом, спросила, стараясь, чтобы голос звучал максимально нейтрально:

— Скажите, Корра, а здесь есть что-то, чем можно покрасить волосы? Хотя бы временно.

Она подняла на меня взгляд, и её четыре руки замерли. Я медленно, почти нерешительно, сдвинула капюшон. Тёмно-синие волосы, тяжёлые и густые, выпали на плечи, оттеняя бледность моей кожи и яркость золотых глаз.

Корра не дышала. Её зрачки резко сузились, а чешуйки на лице приподнялись, словно шерсть у взволнованного зверя.

— Ашхаритка? — выдохнула она, и в её голосе прозвучал не ужас, а скорее ошеломлённое узнавание.

Лёд пробежал у меня по спине. Она знает. Слишком быст-

ро, слишком уверенно.

— Меня можно было узнать по волосам, — тихо сказала я, больше для себя. — Но не многие знают, как мы выглядим.

Корра медленно выпрямилась, отложив работу. Её взгляд стал пристальным, анализирующим.

— Я много где побывала, девочка. И на Ашхаре в том числе. Мне по стечению обстоятельств удалось увидеть женщину-ашхаритку, когда я шила для неё свадебное платье. Её привезли под усиленной охраной, в Шидре, конечно. Сняли его лишь на минуту, для примерки. Но цвет волос... и глаза... — она покачала головой. — Такое не забывается. Как же ты здесь очутилась?

В её голосе не было осуждения. Было острое, хищное любопытство и, возможно, тень уважения. Она смотрела на меня не как на беглянку, а как на невероятный, почти невозможный феномен. Я встретила её взгляд, чувствуя, как старые инстинкты приказывают мне солгать, замкнуться, спрятаться. Но я была в долгу перед этой женщиной.

— Я сбежала, — сказала я просто, не отводя глаз. — Мне предложили брак. Или, точнее, продали. Я отказалась быть товаром. Снова.

Слово «снова» повисло в воздухе тяжёлым намёком. Корра изучала меня ещё мгновение, а потом её плечи чуть опустились, а в уголках глаз собрались морщинки — подобие улыбки.

— Ну что ж, — прохрипела она. — Значит, так. Краску

для волос я достану. Есть у меня один стойкий пигмент, с капризной планеты Ксилон. Превратит твою синеву в цвет воронова крыла. С глазами ничего не сделаешь, но хоть с волосами разберёмся.

Она повернулась к своим склянкам и баночкам, беззвучно давая понять, что тема закрыта. Признание принято. Тайна сохранена. И союз, пусть и хрупкий, заключён.

Глава 4. Первая зарплата

Первая неделя в магазинчике у Корры пролетела спокойно. Я вставала пораньше, спускалась вниз, перебирала ткани, чинила, подшивала, утюжила. Корра почти не разговаривала со мной — только короткие указания: «криво», «нитки не те», «клиентка через час, платье готовь».

Я молча кивала и делала. Мои пальцы, помнившие земные иглы и ашхаритский шёлк, справлялись. К концу пятого дня Корра, принимая очередную мою работу, задержала на мне взгляд дольше обычного.

— Поздравляю, испытательный срок ты выдержала. Сегодня получишь свою первую зарплату. — Она ухмыльнулась уголком рта. — Не хочешь отпраздновать? Сходим в один ресторанчик, я плачу.

Она вопросительно посмотрела на меня, и я почувствовала, как внутри что-то тёплое шевельнулось. Первые деньги в этом мире. Заработанные своими руками. Не украденные, не выпрошенные, не данные из жалости. Мои.

И неожиданное приглашение от хозяйки... Я думала, ей всё равно на меня.

— Конечно, я только за.

— Вот и славно. Сегодня вечером заканчиваем пораньше, и я отведу тебя в одно очень неплохое местечко. — Она окинула меня оценивающим взглядом. — Есть что надеть, что-

бы принарядиться?

Я застыла. В голове лихорадочно замелькали образы моих скудных пожитков: поношенная одежда беглянки, пара простых вещей, которые дала Корра. И с огромным сожалением осознала, выйти не в чем.

Увидев панику в моих глазах, Корра цокнула языком и покачала головой.

— Отличная швея, а нарядов нет. — Она вздохнула, но в глазах мелькнуло что-то похожее на понимание. — Ладно. Вон там, в ящике, ткань. Одна клиентка не забрала, я думаю, она уже не вернётся. Бери.

Я подошла к указанному ящику и замерла.

Красивая. Очень красивая ткань. Насыщенный, глубокий синий — цвет вечернего неба над Нексусом, когда первая луна только выползает из-за горизонта. На ощупь — гладкая, прохладная, приятная к телу. Шёлк? Не совсем. Что-то более плотное, но такое же струящееся. А рядом ещё одна. Чёрная, мягкая, по структуре больше похожая на ткань для брюк. Тонкая, но прочная. Идея созрела мгновенно.

Я довольно пискнула, сама от себя не ожидала такого звука, схватила ткани и побежала к машинке. Сзади раздались хриплые звуки, больше похожие на чихи. Я обернулась. Корра сидела на своём месте, прикрыв рот рукой, и её чешуйчатые плечи мелко тряслись. Она смеялась. По-настоящему. Впервые за эту неделю.

Я неловко улыбнулась в ответ — давно не выходила из се-

бя, давно не чувствовала себя настолько живой, чтобы вот так, по-детски, пищать от радости. Корра кивнула, мол, работай, и я приступила.

Хорошо, что машинки здесь на поколения обходят земные. Работа идёт быстрее и проще. Выкройки тоже делать легче — есть один необычный агрегат, которым Корра научила меня пользоваться на второй день. Рисуешь эскиз, вбиваешь параметры, и эта чудо-машина выдаёт тебе готовые лекала. Как же это облегчает труд!

До конца рабочего дня оставался час, а я уже была готова.

Я стояла перед небольшим зеркалом в углу мастерской и рассматривала себя. Брюки из чёрной мягкой ткани сидели идеально — облегающие, как вторая кожа, но при этом не сковывающие движений. Высокая талия подчёркивала линию бёдер, а идеально выверенная длина создавала эффект стройных, изящных ног. К ним блузка из того самого синего шёлка. Глубокий, насыщенный цвет делал мою серую кожу теплее, а золотые глаза — почти светящимися. Крой я придумала сама: свободный, но не бесформенный, с длинными рукавами, чуть расклешёнными книзу и с разрезами, открывающими запястья. Воротник закрытый, мягко облегающий шею, переходящий в аккуратную стойку. Никакой вызывающей открытости — только линия, только намёк, только достоинство. По краю рукавов и воротника я пустила тонкую строчку контрастной чёрной нитью — маленькая деталь, которая делала вещь не просто одеждой, а нарядом.

Волосы... Я провела рукой по тяжёлой волне, спускавшейся до талии. Ещё утром они были темно синими, но Корра достала из шкафчика баллончик с матовым серебристым распылителем.

— Закрой глаза, — скомандовала она. — Это не больно, но в глаза попадёт — неприятно будет.

Я зажмурилась. Раздалось мягкое шипение, и на волосы опустилось прохладное, чуть влажное облако. Запахло ванилью и чем-то отдалённо напоминающим морскую соль. Через минуту Корра скомандовала открыть глаза и протянула мне зеркальце. Из гладкой металлической поверхности на меня смотрела незнакомка. Волосы — цвета воронова крыла, глубокие, насыщенные, с едва уловимым синеватым отливом, если присмотреться. Мои синие, ашхаритские, исчезли полностью.

— Держится месяц, — деловито пояснила Корра, убирая баллончик. — Потом повторим. Цвет будет такой же, как сейчас. Никакой возни с краской, никаких потёков. Просто пшик и готово.

Я смотрела на себя и не узнавала. Тёмные волосы обрамляли лицо. Золотые глаза теперь казались просто необычным акцентом, а не расовым клеймом. Из зеркала глядела не беглянка Новари, не затравленная женщина в капюшоне, а кто-то другой. Спокойная. Уверенная. Красивая.

— Ого, — раздалось сзади.

Я обернулась. Корра стояла в дверях, уперев две руки в

бока, а двумя другими придерживая какую-то коробку. Её чешуйчатые брови полезли вверх.

— А ты, оказывается, не только шить умеешь. — Она обошла меня кругом, цокая языком. — Сидит как влитая и цвет твой. Прямо... — Она замялась, подбирая слово. — Дорого выглядишь. Совсем не как портниха из задней комнаты.

Я улыбнулась уже смелее.

— Это комплимент?

— Это факт, — буркнула Корра, но в её глазах мелькнуло одобрение. — Ладно, красавица, собирайся. Ресторан ждать не будет.

Мы вышли из лавки, и я вдохнула вечерний воздух Нексуса. Он пах иначе, чем днём — слаще, тяжелее, с примесью каких-то пряных цветов, которые раскрываются только в темноте. Где-то высоко, над крышами, зажигались первые огни — не звёзды, а рекламные голограммы и окна летающих такси, бесшумно скользящих между биоморфными башнями.

Корра заперла дверь и кивнула в сторону узкой улочки, уходящей вглубь квартала.

— Нам туда. Через рынок, потом по набережной. Не бойся, я рядом.

Я не боялась. Наверное, впервые за долгое время или просто научилась не показывать страх.

Мы нырнули в арку, и я будто провалилась в другой мир. Рынок — я даже не подозревала, что он существует в двух шагах от мастерской. Днём он, видимо, спал, а сейчас просы-

пался: зажигались гирлянды разноцветных огней, раскладывались товары, торговцы выкатывали тележки с дымящейся едой.

И существа. Боги, сколько же их было.

Мимо проплыло создание, похожее на медузу, только размером с человека — полупрозрачное, с длинными щупальцами, в которых оно держало какие-то свёртки. Рядом с ним, не обращая ни малейшего внимания на такое соседство, торговались двое: один — коренастый, с кожей, покрытой мелкими перламутровыми чешуйками, второй — худой, серый, с непропорционально большой головой и огромными чёрными глазами, в которых отражались огни.

— Не глазей, — шепнула Корра, но без злости. — Тут на глазеющих косо смотрят. Все свои, все заняты делом.

Я заставила себя смотреть прямо, но краем глаза всё равно ловила детали. Девушка с тремя парами рук ловко заплетала косички из ароматных трав. Мужчина, у которого вместо ног было нечто вроде щупалец, парил в полуметре над землёй, торгуя светящимися кристаллами. Двое детей или существ, похожих на детей, — гонялись друг за другом, и их кожа переливалась от оранжевого к зелёному в такт смеху.

Земля. Если бы я могла рассказать кому-то на Земле, что такое бывает... Меня бы сочли сумасшедшей. А я просто шла по рынку, вдыхала запахи жареного мяса, каких-то приторно-сладких лепёшек и думала: это реальность. Моя новая реальность.

Мы вышли из рыночных рядов, и воздух резко изменился. Стало просторнее, свежее, запахло водой и цветами. Набережная.

Я остановилась как вкопанная.

Вода светилась. Не отражённым светом фонарей, а сама по себе: мягким бирюзовым сиянием, которое тянулось от берега до самого горизонта, теряясь в темноте. По воде скользили лодки — причудливые, похожие на раскрытые раковины или цветы лотоса, с пассажирами, которые пили что-то из высоких бокалов и смеялись. А над водой, вдали, возвышались здания. Не такие, как в рабочем квартале. Настоящие дворцы — из белого камня и стекла, с балконами, утопающими в зелени, с мягко светящимися террасами. Огни переливались, струились, текли по фасадам, как жидкое золото.

— Красиво, да? — Корра встала рядом, сунув две руки в карманы, а две оставив свободными, на всякий случай, как я уже поняла, она всегда держала пару рук наготове. — Это Квартал Тысячи Огней. Самые богатые, самые дорогие, самые... — она запнулась. — Самые опасные, если ты не из них.

— Опасные? — я повернулась к ней.

— Для таких, как мы, да. Но нам туда не надо. Нам вон туда.

Она кивнула в сторону приземистого, но уютного здания, стоящего чуть на отшибе, на самом берегу. Оно не сверкало,

как дворцы напротив, но свет из его окон лился тёплый, золотистый, и оттуда доносилась негромкая, приятная музыка с переливчатыми инопланетными нотами, которые, однако, не резали слух.

— «Старый Краб», — Корра указала на вывеску, где светящимися буквами было выведено название, а рядом перемигивался неоном силуэт забавного толстого существа с клешнями. — Хозяин, мой старый знакомый. Готовит так, что пальчики оближешь, и ценник не кусается. Для местных, в общем, место. Без пафоса, но с душой.

Мы вошли внутрь, и я снова замерла.

Ресторан «Старый Краб» оказался именно таким, как описывала Корра — без пафоса, но с душой. Небольшой зал с низкими деревянными потолками, стены увешаны странными морскими диковинками: засушенные существа, напоминающие земных морских звёзд, только размером с тарелку; сети с вплетёнными в них ракушками, переливающимися всеми цветами; старые навигационные приборы, которые могли быть древностью, а могли просто чьим-то хобби. Столики были расставлены не тесно, но уютно, на каждом горел жидкий огонёк в прозрачной колбе, отбрасывая тёплые блики на лица посетителей. А лица — это был отдельный разговор.

За ближайшим столиком сидела пара: женщина, похожая на человека, если не считать тонких, почти невесомых крыльев за спиной, сложенных так, что они напоминали плащ,

и её спутник — массивный, с грубой кожей, напоминающей кору дерева, и глазами, светящимися изнутри тусклым янтарём. Они ели что-то, больше похожее на букет, чем на еду, и тихо переговаривались на гортанном языке.

Дальше, в углу, расположилась компания из трёх существ. Одно из них, длинное и гибкое, с переливающейся, как масляная плёнка на воде, кожей, пило что-то через длинную стеклянную трубку. Второе, похожее на пушистый шар с множеством тонких лапок, сосредоточенно ковырялось в тарелке, время от времени издавая довольное урчание. Третье было почти человеком — если не считать того, что его кожа отливала серебром, а зрачки вытянуты вертикально, как у кошки.

— Садись, чего встала, — Корра уже плюхнулась за свободный столик у окна, откуда открывался вид на светящуюся лагуну. — И рот закрой, а то муха залетит. Хотя местные мухи размером с твою ладонь и очень любопытные, так что лучше правда закрой.

Я села напротив неё и перевела дух. Пальцы сами собой гладили скатерть, ткань оказалась необычной, мягкой и чуть шершавой одновременно, с вытканными узорами, которые едва заметно светились в темноте.

— Никогда не привыкну, — сказала я тихо.

— К чему? — Корра уже махала двумя руками, подзывая официанта — высокого, худого типа с четырьмя глазами, расположенными по кругу на голове, что позволяло ему

видеть сразу во все стороны.

— Ко всему. — Я обвела взглядом зал. — Что я здесь. Что это не сон. Что вон то существо с крыльями просто ужинает, а не прилетело с другой планеты, чтобы меня съесть.

Корра хрипло хохотнула, тем самым звуком, похожим на чихи.

— Съесть тебя? — она покачала головой. — Дорогая, ты не в том районе, где едят посетителей. Для этого надо в Нижний город, там да, там и не такое бывает. А здесь — культурное заведение. — Она подмигнула мне. — Расслабься. Ты заслужила.

Четырёхглазый официант подплыл к нам, и его головной круг слегка повернулся, чтобы два глаза смотрели на Корру, а два на меня. Одновременно. Это было жутковато и завораживающе.

— Вечер, Корра, — голос у него оказался низкий, вибрирующий. — Давно не видел. С тобой... — все четыре глаза уставились на меня, — новая знакомая?

— Работница моя, — коротко ответила Корра. — Отмечаем первую зарплату. Нам как обычно.

— Как обычно, — кивнул официант, и все четыре глаза моргнули — не одновременно, а волной, один за другим. — Сюрприз от шефа будет.

Он уплыл, а я всё смотрела ему вслед, пытаясь осмыслить увиденное.

— Четыре глаза, — выдохнула я. — И моргают по очере-

ди.

— Раса такая, — пожала плечами Корра. — Криллианцы. У них на родине вечная ночь, так что глаза приспособлены видеть в темноте. А моргают по очереди, чтобы хоть один всегда был открыт. Хищники там, понимаешь, любопытные.

Я засмеялась. Впервые за долгое время — легко, свободно, не контролируя себя.

— Ты сейчас говоришь о хищниках на другой планете так спокойно, будто обсуждаешь погоду.

— А что такого? — Корра развела двумя руками, две другие легли на стол. — Планет много, хищников много, жизнь одна. Привыкай, девочка. Ты в галактике. А в галактике... — Она подняла палец. — В галактике главное: знать, где твоё место, и иметь друзей в нужных местах.

— И ты мой друг в нужном месте? — спросила я, глядя ей прямо в глаза.

Корра помолчала. Её чешуя на лбу чуть потемнела — я уже знала этот признак задумчивости.

— Пока да, — сказала она наконец. — Если не подведёшь.

Я кивнула. Большего и не требовалось.

Официант вернулся с подносом, уставленным тарелками. Я даже не пыталась угадать, что именно мы будем есть — пахло божественно, а выглядело как произведение искусства. Что-то разноцветное, слоёное, политое соусом, переливающимся в свете лампы.

— Ешь, — скомандовала Корра, первой запуская руки

(сразу две) в тарелку. — И рассказывай. Я знаю, что ты беглянка. Знаю, что с Ашхара, но кто ты там была не знаю. Какая жизнь у вас, у ашхариток? Я много где бывала, но внутрь ваших семей не заглядывала. Только платья шила для невест, и то мельком.

Я замерла с вилкой в руке. Рассказывать о себе? О Новари? Воспоминания чужой девушки всплывали легко, но говорить о них вслух... Это значило признать, что я заняла чьё-то место.

— Там... — начала я осторожно, подбирая слова. — Там всё подчинено долгу. С рождения знаешь, что твоё тело — не твоё. Что ты вырастешь, и тебя отдадут тому, кого выберет отец.

Корра слушала молча, её чешуя на лбу чуть потемнела — признак задумчивости, как я уже успела выучить.

— А мать? — спросила она. — Она что, не заступается?

Я горько усмехнулась.

— Мать? Моя мать — идеальная ашхаритка. Сломленная, послушная, смиренная. Она любит меня, наверное, но её любовь — это страх. Страх за меня, за себя, за то, что скажет отец. Она приносила мне успокоительное, когда думала, что я сорвусь. Седативное устройство, чтобы я была тихой и удобной.

Корра покачала головой, но ничего не сказала.

— У нас, — продолжила я, выуживая из памяти Новари всё, что могло быть полезно, — женщины — это сосуды. Так

нас называют. «Священные Сосуды». Носительницы чистоты крови и дара расы.

— Дара? — переспросила Корра. — Какого ещё дара?

— Кетэр, — сказала я. И, увидев непонимание в её глазах, пояснила: — Это... трудно объяснить. У женщин Ашхара особая физиология. При первом физическом контакте — поцелуе, близости с мужчиной в организме запускается необратимый процесс. Биохимическая связь. Навсегда.

Корра нахмурилась.

— В смысле навсегда?

— В прямом. После Кетэра женщина становится зависимой от своего мужчины. Не эмоционально, а буквально — на уровне гормонов. Она чувствует его настроение, его боль, его желания. Они связаны и она не может его покинуть.

— А если он умрёт? — тихо спросила Корра.

— Ломка. Тяжёлая, часто смертельная. Организм отвергает себя. Тело другого мужчины будет вызывать отторжение. Измена физически невозможна. — Я сглотнула. — Этот дар делает женщин невероятно ценными и абсолютно бесправными.

Корра молчала, переваривая. Я видела, как её чешуйчатая кожа на лбу то темнела, то светлела, она пыталась осмыслить эту чудовищную, с её точки зрения, да и моей тоже, реальность.

— И твой отец хотел для тебя такой судьбы?

Я кивнула, чувствуя, как желчь подступает к горлу. Вос-

поминания Новари хлынули ярко, болезненно: подслушанный разговор, холодный голос отца, мать, которую сломали первой.

— Отец... — я замялась, впервые произнося его имя вслух в этом мире. — Жадар. Он из высшей знати. Из рода, который управляет Ашхаром. Наша семья — аристократичного происхождения, с чистой кровью. Для него я была не дочерью, а активом. Выгодная партия, способ укрепить положение.

— А жених?

— Правая рука советника. Высокий пост, большая честь для семьи. — Я помолчала. — У нас браки не по любви. Браки — это союзы домов. Мужчина выбирает, отец одобряет. Женщина... женщина принимает.

— А если не принимает?

Я посмотрела на Корру долгим взглядом.

— Ты сейчас разговариваешь с той, кто не приняла.

Корра хмыкнула, но в этом звуке не было насмешки, только уважение.

— И как ты сбежала? У вас же наверняка охрана, эти ваши... Шиедры?

— Шидр, — поправила я. — Это не просто одежда. Это устройство. Следит за пульсом, гормонами, местоположением. Снимать можно только в спальне. Знаешь, почему?

Корра покачала головой.

— Древний закон гласит: в собственной спальне женщина

может быть собой. Там, за закрытой дверью, она имеет право сбросить Шидр. Даже отец не войдёт без разрешения. — Я усмехнулась. — Жутковатая ирония, правда? Единственное место, где ты свободна — это комната, из которой ты всё равно не можешь выйти, потому что за дверью начинается мир, где ты снова покрыта.

— А после свадьбы?

— После свадьбы спальня становится спальней мужа. Там он диктует правила. И там происходит Кетэр.

Корра долго молчала, глядя куда-то в сторону светящейся лагуны. Потом перевела взгляд на меня — и в нём было что-то новое. Не жалость — Корра не из тех, кто жалеет. Скорее, изумление пополам с восхищением.

— И ты всё это бросила. Рискнула жизнью, свободой, всем, чтобы не стать сосудом.

— Чтобы не быть вещью, — поправила я жёстко. — Снова.

Тишина повисла между нами. Корра замерла с куском еды на полпути ко рту. Её четыре руки неподвижно застыли, такого я у неё ещё не видела.

— Снова? — переспросила она медленно. — То есть... ты хочешь сказать, что уже однажды отказывалась быть товаром? До того, как стала Новари?

Я поняла, что проговорилась. Поздно. Слова уже вылетели, и обратно их не затолкать.

— Корра, я...

Она отложила еду и посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. В её глазах не было угрозы — только странное, почти благоговейное любопытство.

— Девочка, — сказала она тихо. — Ты знаешь, что в галактике есть одна древняя легенда? Почти забытая. О душах, которым боги дают второй шанс.

Я замерла.

— Говорят, — продолжала Корра, не сводя с меня глаз, — что если душа погибла не в свой час, если её смерть была несправедливой или преждевременной, боги могут перенести её в другое тело. В другое время. В другую жизнь. — Она помолчала. — Я всегда считала это сказками, пока не встретила тебя.

У меня пересохло во рту.

— Ты думаешь...

— Я не думаю, — перебила Корра. — Я спрашиваю. Ты не та Нова, которая родилась на Ашхаре, да?

Воздух в лёгких кончился. Я смотрела на неё, на эту суровую четырёхрукую женщину, которая приютила меня, накормила, дала работу, и понимала: либо сейчас полное доверие, либо конец. Она не из тех, кто прощает ложь.

— Да, — выдохнула я. — Я не Нова. Та девушка... она умерла. За неделю до свадьбы. Не знаю от чего — может, сердце не выдержало, может, страх. А я... я очнулась в её теле. В комнате, где пахло чужими духами и чужой жизнью.

Корра молчала, и это молчание было тяжелее любого до-

проса.

— Я была человеком, — сказала я. — С планеты Земля. Это далеко. Очень далеко. Я там... тоже была заперта. Тоже была собственностью. Был мужчина, который считал, что имеет право на мою жизнь, на моё тело, на мои мысли. Я вырвалась, но... цена была высока.

Я замолчала, не в силах говорить о своей смерти. О том, как это было — только я переехала в другую квартиру, ушла от него, как он выследил меня. Застал меня поздно ночью после работы, проник в квартиру и... последний удар, темнота, а потом чужие золотые глаза в зеркале.

Корра долго сидела неподвижно. Потом, очень медленно, её губы растянулись в улыбке. Не насмешливой, не хищной, а такой, от которой у меня защипало в глазах.

— Ну, Нова, — сказала она с чувством. — Ты, оказывается, не просто беглянка. Ты — чудо. Настоящее, божественное чудо.

Она откинулась на спинку стула и расхохоталась, тем самым хриплым смехом, похожим на чихание. Четыре руки взметнулись в воздух, привлекая внимание всего зала.

— Корра! — зашипела я, оглядываясь. — Тише!

— А, прости, прости, — она вытерла выступившие от смеха слёзы. — Просто надо же. Я, старая лептиана, сижу в «Старом Крабе» с душой из другого мира, которая шьёт лучше всех на Нексусе. — Она покачала головой. — Боги любят пошутить.

Я не знала, что говорить. Просто сидела и смотрела на неё.

— Значит так, — Корра резко стала серьёзной, поддавшись вперёд. — То, что ты мне рассказала, останется между нами. Ни одна живая душа не узнает. Для всех ты — Нова, беглая ашхаритка, которую я приютила. Потому что если узнают, что ты из другой вселенной... — Она покачала головой. — Охотники — это цветочки. Будут те, кто захочет тебя препарировать, изучать, продать как артефакт. Поняла?

Я кивнула.

— А теперь, — Корра снова взялась за еду, будто ничего не случилось, — давай есть, пока твоя неземная душа с голоду не померла. И рассказывай про свою Землю. Интересно же, как вы там выживали.

Я улыбнулась — сквозь слёзы, которые всё-таки предательски выступили и начала рассказывать. О планете, где не светится вода. О людях, у которых только две руки. О культуре и своей жизни.

А за окном светилась лагуна, переливались огоньки Квартала Тысячи Огней, и впервые за долгое время я чувствовала, что не одна.

Глава 5. Новая жизнь

После того ужина мы с Коррой стали ближе.

Позже она призналась, что первую неделю специально приглядывалась ко мне, проверяла. Поэтому была так немногословна — не от вредности, а от осторожности.

— Мало ли кто попросится в работницы, — сказала она тогда, отмахиваясь двумя руками, пока две другие ловко заправляли нитку в машинку. — Доверие надо заслужить. Ты заслужила.

Теперь же она трещала по делу и просто так. О клиентах, о тканях, о соседях, о политике Нексуса, о своих путешествиях в молодости. Иногда её болтовня меня раздражала — я привыкла к тишине, к тому, что можно часами сидеть за работой и молчать. Но в большинстве случаев я находила в этом что-то успокаивающее. Голос Корры, её хрипловатый смех, шорох четырёх рук, мелькающих в воздухе — у лептиан это выглядело так естественно, будто иначе и быть не могло, — всё это становилось фоном, на котором можно было просто... жить.

Если подумать, провести здесь некоторое время было бы замечательно.

Деньги, которые я получала, я откладывала. Странное чувство, впервые в жизни у меня были свои, заработанные. На Земле у меня не было ничего. На Ашхаре — тем более.

А здесь я получала кредиты и могла делать с ними что хочу, но тратить не хотелось. Почему-то.

Корра заметила это на третьей неделе.

— Ты что, копишь на звездолёт? — спросила она, заглядывая через моё плечо, когда я пересчитывала пластиковые карточки в тайнике за рабочим столом.

— Не знаю, — честно ответила я. — Просто... привычка. Вдруг пригодится.

Она понимающе кивнула. Для беглянки запасливость — не порок, а инстинкт выживания. Но спустя ещё пару недель до меня начало доходить, что Корра платит мне вовсе не минимальную ставку для помощниц.

— Слушай, — сказала я однажды, когда мы закрывали лавку. — Ты платишь мне... это нормально? Я посмотрела средние расценки в местной инфосети. Помощницы портных получают в два раза меньше.

Корра хмыкнула и ловко, двумя руками, опустила защитный экран на витрине, пока две другие перебирали какие-то квитанции.

— Во-первых, ты не просто помощница. Ты мастерица. Помнишь платье той криллианской дамы с приёма? Она специально приезжала из соседнего квартала, потому что слышала про «новую волшебницу с золотыми глазами».

Я покраснела. Не ожидала, что моя работа так расходится.

— Во-вторых, — продолжила Корра, — клиенты с большими кошельками платят большие деньги. Не за ткань — за

руки, которые могут эту ткань оживить. Ты приносишь лавке хороший доход. Значит, твоя доля должна быть честной.

Она подошла ближе и понизила голос:

— Запомни, Нова. В этом мире ценят тех, кто умеет делать вещи, которые машины не могут. Автоматы штампуют одинаковые тряпки тысячами. А эксклюзив, ручная работа, глаз мастера — это всегда будет в цене. Особенно у тех, у кого кредитов больше, чем мозгов.

Я улыбнулась.

— И ты хочешь сказать, что я теперь...

— Ты теперь при деньгах, девочка. Не миллионерша, но с голоду не помрёшь. И если будешь умницей и дальше, сможешь накопить на что захочешь. На учёбу, например. Или на билет куда глаза глядят.

Она подмигнула и ушла в подсобку, оставив меня переваривать эту информацию.

Я посмотрела на свои руки. Обычные руки, с длинными пальцами, которые на Земле стучали по клавиатуре, а здесь научились чувствовать ткань, словно она живая. Эти руки теперь кормили меня. И не просто кормили — давали возможность копить, планировать, мечтать. Впервые в жизни я чувствовала, что мои навыки чего-то стоят. По-настоящему. Не в клетке, где тебя ценят за послушание, а в свободном мире, где ценят за умение.

Мы ходили по магазинам и обедали в разных заведениях. Корра оказалась не только отличной швеёй, но и заядлым

гурманом. Она знала все более-менее приличные места в нашем районе и в соседних. «Старый Краб» был любимым, но не единственным. Иногда мы забегали в крошечные забегаловки, где готовили существа таких рас, что я даже не могла их опознать, и ели то, что я бы никогда не решилась попробовать одна: острая похлёбка с плавающими в ней светящимися шариками; мясо, которое таяло на языке и пахло дымом и цветами; десерты, переливающиеся всеми цветами радуги и хрустящие на зубах;

Со временем я начала разбираться в местной валюте. Кредиты — универсальные галактические единицы. Они существовали в двух видах: электронные — на картах, которые прикладывали к терминалам, и физические — небольшие пластиковые прямоугольники с голограммами и чипами внутри. Чем больше номинал, тем сложнее узор на пластике и тем толще сама карточка. Тысяча кредитов — тонкая, гибкая, с простым узором. Миллион — тяжёлая, с объёмной голограммой, которую невозможно подделать.

Я научилась отличать, сколько и что может стоить. Чашка местного чая — пять кредитов. Обед в «Старом Крабе» на двоих — около трёхсот. Простая одежда из автоматической фабрики — сто-двести за комплект. Ткани для работы — от пятисот и до бесконечности, если речь шла о редких материалах с других планет.

С первой зарплаты я купила самое необходимое. Несколько комплектов базовой одежды: простые брюки из плотной

ткани, пару рубашек с длинным рукавом, лёгкую куртку на случай прохладных вечеров. Обувь — удобные ботинки для работы и изящные туфли на низком каблуке для выходов вроде того ужина. Аксессуары: простой ремень, несколько заколок для волос, небольшую сумку через плечо. И другие мелочи, без которых жизнь становится неудобной — расчёска, зеркальце, маленький ножик в чехле (Корра настояла: «В этом районе всякое бывает, девочка»). Теперь я чувствовала себя обычным человеком. Точнее — обычной ашхариткой.

В зеркале на меня смотрела женщина с тёмными волосами, спокойным взглядом и одеждой, которая не кричала «беглянка». Я могла выйти на улицу и не прятать лицо. Могла зайти в магазин и купить себе обед, не гадая, хватит ли мелочи в кармане. Могла просто сидеть вечером на крыльце лавки, пить местный чай и смотреть, как зажигаются огоньки над Кварталом Тысячи Огней. Это и была свобода. Не героическая, не громкая. Обычная, будничная, уютная.

Но где-то на краю сознания, тихо, как дальний гул космопорта, жило знание: так не может продолжаться вечно. Охотники ищут. И однажды они придут. Я отгоняла эту мысль, прятала её поглубже, за уют и чай и болтовню Корры, но она возвращалась. Всегда возвращалась.

Особенно по ночам.

Я научилась различать клиентов: вечно спешащих туристов, требовательных местных модниц, завсегдатаев, которые уже знали, что в лавке «У Корры» появилась новая ма-

стерица с волосами цвета воронова крыла и золотыми глазами, чьи руки творят чудеса с капризнейшими тканями.

Я узнавала о расах, о политике, о планетах. То, о чём могла раньше только мечтать, осуществлялось теперь. Может, боги и правда дали мне второй шанс — и я была готова им воспользоваться.

Особенно по вечерам, когда мы с Коррой сидели на крыльце лавки, пили чай и смотрели на небо. Нексус вращался вокруг двойной звезды, и закаты здесь длились часами, окрашивая небо в пурпурные и золотые тона. А потом зажигались звёзды. Миллионы звёзд, каждая из которых звала меня. Корра часто видела, как я смотрела на небо. С каким вдохновением я рассказывала, как летела впервые в своей жизни на космическом корабле, как оказалась среди звёзд и влюбилась в них навсегда. Думаю, именно тогда в её голове созрела идея.

Однажды вечером она застала меня за очередным таким созерцанием.

— Слушай, — начала она без предисловий, плюхаясь рядом на крыльцо. — Я понимаю, что швеёй всю оставшуюся жизнь ты проработать не хочешь. Талант у тебя есть, но глаза... — Она кивнула на небо. — Глаза у тебя горят не на ткани, а вон туда.

Я промолчала, но она видела, что попала в точку.

— Есть тут одно место. Навигационно-техническое училище при портовом комплексе. Готовят аналитиков для кос-

мических судов. — Корра выдержала паузу. — Курс два года. После — сертификат, допуск к работе на кораблях любого класса. С твоим математическим складом ума... — Она хмыкнула. — Ты же сама рассказывала, как на Земле системами щёлкала.

Я замерла. Аналитик на корабле. Летать между звёзд. Не просто пассажиром в трюме, а членом экипажа. Легально. По-настоящему.

— Это... это возможно? — выдохнула я.

— С обучением я смогу тебе помочь, — кивнула Корра. — У меня есть знакомый в приёмной комиссии. Старый должник. Устроить тебя на льготных условиях мы сможем. — Она повернулась ко мне. — У тебя же с собой документы?

И тут её зелёные глаза расширились.

— Нова, а что у тебя с чипом?

Я выдохнула так же мучительно, как чувствовала себя последние минуты.

— Мне сделали временный чип, когда я сбегала. — Я потёрла запястье, где под кожей до сих пор ощущался едва заметный след. — Зера, та женщина на рынке... Она сказала, он действует три стандартных цикла. Я совсем забыла.

— Криллианова плесень! — рявкнула Корра, вскакивая. — Три цикла? Да они уже почти истекли! Если чип отключат, ты станешь пустым местом. Ни документов, ни личности, ни прав. Тебя любой патруль может замести за нарушение миграционного режима, и никто даже не спросит, куда

ты делась!

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Что делать?

— Для начала — вставай и пошли, — Корра уже запирала дверь лавки. — Есть у меня одно место. Там помогут. Если успеем.

Мы двинулись куда-то через лабиринт узких улочек. Я еле поспевала за Коррой — несмотря на возраст и четыре руки, которые, казалось, должны были мешать, она двигалась быстро и уверенно. А в моей голове хаотичными волнами всплывали мысли, одна страшнее другой.

Если чип отключат, я никто. Беглянка без документов в мире, где каждый шаг отслеживается. Меня могут депортировать на Ашхар или просто исчезнуть в системе правосудия для нелегалов. Или продать. Опять продать, как вещь.

— Пришли, — выдохнула Корра, останавливаясь перед неприметной дверью с вывеской «Регистрационный учёт. Вход по записи».

Мы вошли внутрь. Маленькая приёмная, тусклый свет, в углу дремлет существо, похожее на надувной шар с множеством тонких щупалец. Корра уверенно прошагала к двери с табличкой «Администратор» и толкнула её без стука.

За столом сидел мужчина. Если это можно было назвать мужчиной. Высокий, худой, с кожей пепельно-серого оттенка и массивными витыми рогами, расходящимися от висков. Глаза жёлтые, с вертикальными зрачками, уставились на

Корру с недовольством.

— Корра, сколько можно вламываться без предупреждения? — проворчал он. Голос низкий, вибрирующий.

— Привет, Гракх, — Корра плюхнулась на стул напротив. — Дело есть. Срочное.

— Когда у тебя бывает несрочное? — Он перевёл взгляд на меня, и его ноздри (их было четыре, две с каждой стороны) слегка раздулись. — Это кто?

— Моя работница. Нова. Ашхаритка. — Корра понизила голос. — Беглая, но ты этого не слышал.

Гракх хмыкнул, но не удивился. Видимо, в этом кабинете беглыми никого не удивишь.

— И что нужно?

— Документы. Постоянные. Чип у неё временный, скоро сдохнет. Надо внести в базу по-настоящему.

Гракх постучал длинными пальцами по столу. На каждом пальце было по три сустава, и двигались они с неестественной плавностью.

— Это не бесплатно и не быстро.

— У нас есть старый долг, — жёстко сказала Корра. — Помнишь, как я тебя вытащила из той истории с контрабандным шёлком?

Гракх поморщился, будно съел что-то кислое.

— Помню. Ладно. — Он махнул рукой в мою сторону. — Подойди.

Я приблизилась. Он взял специальное устройство, похо-

жее на толстую ручку с экраном, и приложил к моему запястью, туда, где был след от временного чипа. Устройство пискнуло.

— Данные есть, — пробормотал он, вглядываясь в экран. — Нова... фамилии нет. Возраст? Планета происхождения?

Я замялась. Воспоминания Новари всплыли с неожиданной чёткостью.

— Двадцать три года, — сказала я. — По ашхаритским меркам это ещё несовершеннолетие, но для галактического учёта сойдёт?

Гракх хмыкнул.

— Ашхариты живут долго. Триста лет — средняя продолжительность. Совершеннолетие у вас в тридцать, да? — Он покачал головой. — И отец уже продал тебя замуж? Не дожидаясь возраста согласия?

Я сглотнула.

— Да. Сначала поцелуй — для запуска привязки. А потом, в двадцать пять, консумация. По их правилам это законно.

— Криллианова плесень, — буркнул Гракх, чем вызвал довольный хмык Корры — видимо, ругательство было универсальным. — Ладно. Сделаем тебя совершеннолетней по галактическим меркам. Двадцать три — нормально для большинства рас. Фамилию давай.

Я растерялась. Фамилия? У Новари была фамилия отца, но носить её... носить имя Жадара?

— Ридли, — сказала я вдруг. Само вырвалось. Земное. Моё, из прошлой жизни. Почти.

Гракх вбил что-то в устройство, потом подключил его к терминалу на столе. Несколько минут напряжённой тишины, писков и мерцания голографических экранов.

— Готово, — объявил он наконец. — Нова Ридли, двадцати трёх лет, уроженка Ашхара. Статус: мигрант с правом временного проживания. Чип постоянный, внесён в галактический реестр. — Он протянул мне новую карточку, такую же тонкую и гибкую, с моей голограммой и данными. — Не потеряй. Второй раз я тебя бесплатно не перебью.

Я взяла карточку, и пальцы дрожали. Нова Ридли. У меня есть имя. Есть документы. Есть будущее.

— Спасибо, — выдохнула я, глядя на Гракла. — Я ваш должница.

— Корра уже всё оплатила, — отмахнулся он. — Своим старым долгом. Так что с неё и спрос.

Мы вышли из кабинета, и на улице я наконец перевела дух. Вечерний воздух Нексуса показался невероятно сладким.

— Ну что, — Корра хлопнула меня двумя руками по плечу (ещё две упёрла в бока). — Теперь ты официально существуешь, Нова Ридли. Можешь поступать в училище. Можешь летать между звёзд. Можешь всё.

Я посмотрела на небо. Звёзды горели ярко, обещая, маня.

— Всё, — повторила я тихо. — Теперь я действительно

свободна.

Но где-то глубоко внутри, там, где прячется интуиция, шевельнулось холодное предчувствие. Свобода — это не документы. Свобода — это когда за тобой не охотятся.

А охотники всё ещё были где-то там.

Глава 6. Снова в путь

Спустя ещё две недели, когда я готовила документы для подачи в Навигационно-техническое училище при портовом комплексе Нексуса, вдруг раздался звук открывшейся двери. Я сидела за своим столом в углу мастерской и пыталась включить эту дурацкую ручку. Она могла писать, слушая мою речь и преобразовывая её в текст на планшете. Планшет я купила недавно, чтобы иметь возможность выходить в сеть, читать новости и, конечно, учиться. Я всё пыталась заставить её работать, но, как и всегда у меня что-то шло не так с непривычным оборудованием.

Всё же это был космос, чёрт тебя дери.

С психу я чуть не швырнула ручку в стену, но вовремя одумалась. Выдохнула и уже спокойнее открыла инструкцию в очередной раз. Текст на незнакомом языке (галактический стандарт я уже более-менее читала, но технические термины всё ещё ставили в тупик) расплывался перед глазами.

— Да чтоб тебя... — прошипела я, тыкая в сенсорную панель.

В этот момент дверь лавки открылась, и внутрь вошёл курьер.

Мужчина в форменной одежде местной службы доставки — его раса была мне незнакома, что-то с кожей синеватого оттенка и тремя глазами, расположенными треугольником

— протягивал Корре электронный планшет.

— Для вас, мэм. Конфиденциальная доставка. Требуется подпись.

Корра, хмурясь, взяла планшет и что-то нацарапала на экране. Курьер кивнул и удалился, тихо закрыв за собой дверь. Она повертела в руках небольшой, плотно запакованный конверт, затем бросила на него беглый взгляд и... протянула его мне.

— Этого я не заказывала, — сказала она просто, но её взгляд был красноречивее любых слов. — Будь осторожна. Это тебе, не мне.

Я взяла конверт. На нём не было ни имени, ни обратного адреса. Только лаконичная надпись, выведенная изящным каллиграфическим шрифтом: «Новой мастерице. От благодарного клиента».

Ледяная дрожь пробежала по спине. Я медленно вскрыла конверт. Внутри не было ни письма, ни угроз. Лежал лишь один-единственный предмет — изящная заколка для волос из тусклого, почти чёрного металла. Её единственным украшением был крошечный, искусно вырезанный камень. Цвета индиго. Цвета моих прежних, синих волос. Это было не благодарностью. Это было послание. Мы тебя нашли. Мы знаем, кто ты. Мы наблюдаем.

Я сжала заколку в кулаке, чувствуя, как острые края впиваются в ладонь. Стены моей новой жизни дали первую трещину.

— Корра, — мой голос прозвучал чуть хрипло. Я протянула ей заколку. — Ты знаешь, что это?

Она взяла её, и её четыре руки на мгновение замерли. Чешуйки на лице приподнялись, глаза сузились до щелочек. Я видела, как меняется её лицо — из обычной деловой сосредоточенности в тревогу, которую она редко позволяла себе показывать.

— Знаю, — выдохнула она. — Ашхаритская работа, редкий сплав, добывают только в шахтах Ашхара. Такой металл не купишь в обычной лавке. — Она подняла на меня глаза, и в них было то, чего я никогда не видела у суровой лептианки — страх. Не за себя. За меня. — Охотники. Они уже здесь. Игру в прятки пора заканчивать, девочка.

Ледяная волна страха накатила на меня, знакомая до тошноты. Нашли. Так быстро. Я инстинктивно окинула взглядом лавку — свою крепость, свой первый настоящий дом за долгое время. В одно мгновение он превратился в ловушку.

— Я... я уйду. Сегодня же. Не могу тебя подставлять.

— Куда? — резко спросила Корра. — Обратно на улицу? Тебя там возьмут за пару часов. У них есть зацепка — они знают, что ты здесь. Если выйдешь сейчас, без плана, без укрытия... — Она покачала головой. — Нет. Будем делать по-умному.

Она тяжело вздохнула и опустилась на стул, жестом приглашая меня сесть рядом. Все четыре руки легли на стол — я уже знала, что это значит. Она собиралась говорить серьёзно.

— Слушай, Нова. Ты для меня... — Она запнулась, подбирая слова. Чешуйчатая кожа на её щеках чуть порозовела — у лептиан это заменяло румянец смущения. — Ты как дочка, понимаешь? Я не планировала, не искала. Само вышло. Мои дети давно выросли и разлетелись по галактике, внуков я вижу раз в год. А тут ты... — Она махнула рукой. — В общем, не бросай мне сейчас эти благородные штучки про «не подставлять». Я сама решу.

У меня защипало в глазах. Я моргнула, прогоняя слёзы.

— Корра...

— Молчи, — перебила она. — Делаем так. У меня есть старый должник. Не любит вспоминать о долгах, но честный. Управляет курортом в Зеркальной Лагуне — место называется «Иллирийские сады». Дорого, пафосно, для богатых бездельников со всей галактики.

— Курорт? — недоверчиво переспросила я.

— Именно. Там всегда нужны умелые руки для починки дорогой одежды гостей. Эти богачи портят вещи на вечеринках так, будто ткани делают из паутины. — Корра усмехнулась. — Ты будешь как рыба в воде. Никто не смотрит на обслугу, там главное быть невидимой. И там много народу, много рас, много лиц. Легко затеряться.

— Но охотники...

— Охотники ищут беглянку в мастерской или на улице, — перебила Корра. — В «Иллирийские сады» просто так не войти. Там охрана, там проверки, там всё заточено на без-

опасность гостей. Им не придёт в голову искать сбежавшую ашхаритку в прачечной элитного курорта. — Она помолчала. — Пересидишь там немного. А потом...

— Что потом? — спросила я.

— А потом поступишь в своё училище, — твёрдо сказала Корра. — Как только документы будут готовы, как только подашь заявку — ты под защитой. Училище при портовом комплексе — это не лавка. Там своя безопасность, свои правила. Охотники не сунутся в учебное заведение с международным статусом. Слишком шумно, слишком много свидетелей, слишком большие проблемы, если что-то пойдёт не так.

Я смотрела на неё и видела, как быстро, чётко, по-военному она выстраивает план. Корра явно не в первый раз кого-то прятала.

— Значит, сначала курорт, — проговорила я медленно. — Потом учёба.

— Именно. Там ты будешь в безопасности. А пока... — Она достала из-под прилавка маленький, потёртый токен в виде стилизованной ладони. — Держи. Это пропуск. Скажешь управляющему, что ты от «Четырёхрукого Призрака». Он скривится, но возьмёт. Долг есть долг.

Я взяла токен. Он был тёплым от её прикосновения.

— Почему? — спросила я тихо. — Почему ты так рискуешь? Я чужая, я из другого мира, я...

— Хватит, — Корра подняла две руки, призывая к тиши-

не. — Не люблю, когда охотятся на тех, кто мне дорог. Ты хорошая, Нова. Добрая, честная, рукастая. И ты смотришь на звёзды так, будто они — твоя единственная любовь. Я таких не сдаю.

Она встала и направилась к лестнице на второй этаж.

— Собирай вещи, самые необходимые. Ночью уйдёшь. И вот ещё что... — Она обернулась на полпути. — Та заколка. Не выкидывай. Пусть напоминает, что прятаться вечно не получится. Когда-нибудь придётся перестать бежать и начать драться.

Той ночью я в последний раз стояла в своей комнате над лавкой.

Комната, которая стала моим первым домом в галактике. Маленькая, тесная, с одним окном-иллюминатором, но моя. Здесь я впервые за долгое время спала спокойно. Здесь я смеялась с Коррой за чаем. Здесь я строила планы на будущее, которое теперь снова висело на волоске.

В сумку легло немного еды, которую Корра сунула мне в дорогу. Рабочие инструменты: мои верные иглы, ножницы, напёрстки. Свёрток с синей блузкой и брюками — память о той ночи, когда я впервые почувствовала себя красивой. И та злополучная заколка — холодная, тяжёлая, как камень на шее утопленника.

Я натянула капюшон, скрывая тёмные волосы, и спустилась вниз. Корра ждала у двери. В полумраке лавки её фигура с четырьмя руками казалась почти мифической.

— Удачи, Нова, — сказала она тихо. Голос дрогнул, впервые за всё время.

Я шагнула к ней и обняла. Осторожно, стараясь не мешать всем четырём рукам. Она замерла на секунду, а потом ответила — двумя руками обняла в ответ, две другие легли мне на плечи.

— Спасибо, — прошептала я. — За всё. За жизнь. За веру в меня. За то, что стала...

Я не договорила. Слова застряли в горле.

— Не благодари, — буркнула Корра, отстраняясь. В свете уличных фонарей я увидела, что её глаза блестят — у лептиан слёзы были чуть маслянистыми. — Просто выживи. Поступи в своё училище. Стань кем хочешь. И помни: если что — у тебя есть я. Всегда. И запомни, хоть по документам ты ашхаритка, для всех остальных представляйся полукровкой, так меньше внимания.

Я кивнула, сглотнула ком и шагнула в темноту переулка.

Дверь за мной закрылась тихо, но этот звук отозвался в груди болью.

Дорога заняла несколько часов.

Сначала на общественном транспорте — я научилась ориентироваться в местных шаттлах, не привлекая внимания. Потом пешком через роскошные кварталы, где даже воздух казался дорогим: пахло цветами, которые привозили с трёх разных планет, и лёгким озоном от систем климат-контроля. И вот, на рассвете, когда первая из двух лун Нексуса уже по-

бледнела на горизонте, я увидела их.

Иллирийские сады.

Это был не просто курорт. Это была галлюцинация, воплощённая в стекле и белом камне.

Башни причудливых форм — плавные, биоморфные, без единого прямого угла — отражались в идеально бирюзовой воде огромной лагуны. Водопады стекали с верхних террас прямо в море, подсвеченные изнутри тёплым золотым светом. В воздухе витал сладкий аромат тропических цветов: живых, настоящих, не синтезированных. Повсюду сновали безупречно одетые гости и слуги: первые — с ленивой грацией тех, кому некуда спешить, вторые — с выверенной незаметностью тех, кто должен быть невидим, но всё успевать.

После уютной, пыльной, живой лавки Корры это било по чувствам.

Главный комплекс — гигантский цветок лотоса, парящий над водой на тонких, почти невидимых опорах — казался игрушкой великанов. Я замерла у ворот, чувствуя себя муравьём, случайно заползшим во дворец. Охрана у входа — двое существ расы, которую я не знала, массивных, с кожей, покрытой природным панцирем, смерили меня подозрительными взглядами. Одежда выдавала во мне не гостью.

— Обслуживающий персонал, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я к управляющему. По личному вопросу.

Один из охранников хмыкнул, но второй, после короткой

проверки токена по коммуникатору, кивнул и пропустил.

Внутри было ещё роскошнее. Я шла по коридорам, стараясь не глазеть по сторонам, но краем глаза ловила детали: живые растения, вьющиеся по стенам; мягкий свет, льющийся откуда-то сверху; тихую музыку, вплетённую в шум воды. Кабинет управляющего оказался в самом центре комплекса, с окнами во всю стену, выходящими на лагуну. Сам управляющий стоял ко мне спиной, разглядывая идеальный пейзаж.

Его звали Ардо, о чем указывала табличка на столе. Высокий, импозантный мужчина расы, напоминающей земных эльфов, если бы эльфы были ростом под два с половиной метра и с кожей оттенка слоновой кости. Длинные серебристые волосы стянуты в хвост. Остроконечные уши чуть заметно двигались, улавливая звуки. Когда он повернулся, я увидела лицо: красивое, но холодное, без намёка на тепло.

— Я слушаю, — произнёс он. Голос глубокий, с лёгкой вибрацией.

Я протянула токен и прошептала:

— От Четырёхрукого Призрака.

Его лицо исказила гримаса, будто он почувствовал запах чего-то тухлого. В глазах мелькнула тень — раздражение пополам с обречённостью.

— Корра... — выдохнул он, и в этом имени прозвучало всё: уважение, досада и понимание, что спорить бесполезно. — Ладно, — он откашлялся, отводя взгляд. — Корра никогда не просит просто так. У меня есть вакансия портного при

отеле. Экстренный ремонт, мелкий пошив для гостей. Комната при прачечной.

Он помолчал, разглядывая меня с прищуром.

— Работаешь хорошо — никаких вопросов о документах. Корра сказала, ты чистая, значит, верю. — Он ткнул пальцем в сторону коридора. — И чтобы никто не видел тебя без формы. Ты часть обслуживающего персонала. Невидимка. Не высовывайся, не привлекай внимания, делай свою работу. Понятно?

— Понятно, — кивнула я.

Он вызвал кого-то по коммуникатору, и через минуту появилась женщина-лептианка — как и Корра, четырёхрукая, но моложе и с более тёмной чешуёй. Она молча кивнула и жестом позвала меня за собой. Меня отвели в крыло для персонала.

Небольшая комната с окном, выходящим на пляж. Светлые стены, высокий потолок, двуспальная кровать (настоящая, не казённая койка, а уютное ложе с мягким покрывалом пастельных тонов). В углу небольшой письменный стол и стул, на стене голографическая панель, которая могла транслировать виды природы или новости. Ванная комната оказалась отдельной, с душевой кабиной, где из крана текла настоящая горячая вода, а не синтезированная.

Я даже растерялась на мгновение. После тесной комнатки над лавкой Корры, после побегов и страха — такое.

Дверь закрывалась изнутри. Я заперлась, прислонилась

спиной к холодной поверхности и закрыла глаза. В голове шумело. Слишком много за один день. Угроза. Прощание с Коррой. Дорога. И теперь — эта комната, этот курорт, эта странная, почти нереальная роскошь.

Я снова бежала. Охотники были где-то рядом. Корра осталась там, в своей лавке, одна. А я — загнанный зверь, забежавший в самый шикарный зоопарк галактики.

Я подошла к окну. Внизу раскинулся частный пляж: белый песок, бирюзовая вода, шезлонги с зонтиками, где сейчас, на рассвете, ещё никого не было. Где-то вдали, за лагуной, вставало солнце Нексуса, окрашивая небо в розовые и золотые тона.

Красиво. До слёз красиво.

Я провела рукой по карману, где лежала заколка с камнем цвета моих настоящих волос. Холодное напоминание: прятаться вечно не получится.

Когда-нибудь придётся перестать бежать.

Но не сегодня.

Сегодня я просто стояла у окна и смотрела на рассвет. Первый рассвет в моей новой временной клетке.

Покой закончился. Но охота только начиналась.

Глава 7. Розовые волосы и вечная молодость

Утром меня разбудил тихий мелодичный звон — где-то в коридоре включили систему оповещения. Голос, синтезированный и приятный, объявил о начале рабочего дня на пяти галактических языках. Я села на кровати, несколько секунд привыкая к незнакомой обстановке. Светлые стены, высокий потолок, окно, за которым уже вовсю сияло солнце над бирюзовой лагуной. Вчера всё казалось сном — побег, прощание с Коррой, этот невероятный курорт, но реальность возвращалась с каждым ударом сердца. Нужно было вставать. Знакомиться с начальством. Начинать новую жизнь — снова. Тяжело выдохнула и встала. Я быстро привела себя в порядок, надела форму, которую оставили на стуле: светлые брюки и тунику из мягкой, дышащей ткани. Волосы я стянула в низкий пучок, чтобы не привлекать внимания, и вышла в коридор.

Административный корпус нашёлся быстро — на первом этаже главного здания, с панорамными окнами, выходящими на лагуну. Секретарь, криллианец с четырьмя глазами, указал мне на дверь с табличкой «Старший администратор по персоналу».

Я постучала.

— Войдите! — раздался звонкий, почти музыкальный голос.

Я открыла дверь и на мгновение замерла на пороге. За столом сидела девушка. Если это можно было назвать «сидела» — она скорее подпрыгивала на стуле, одновременно просматривая какие-то голограммы, болтая с кем-то по коммуникатору и рисуя что-то на планшете, но не это заставило меня замереть.

Волосы. Розовые. Яркие, насыщенные, цвета сахарной ваты, если бы сахарную вату подсветили изнутри. Они струились до плеч густыми волнами и переливались на свету, как живые. А на лбу, чуть выше переносицы, горела голубая звезда. Не татуировка, а настоящая, светящаяся мягким голубым светом звезда. Она пульсировала в такт дыханию девушки, и от неё невозможно было оторвать взгляд.

— О! — девушка подскочила, едва не опрокинув стул, и уставилась на меня с неподдельным интересом. — Ты, наверное, та самая новая портниха! Ардо говорил, что кого-то пришлют. Заходи, заходи, не стой в дверях!

Я шагнула внутрь, и она тут же оказалась рядом. Проворная какая.

— Я Салиса Карат, раса хессара! — выпалила она, протягивая руку для приветствия. — Но это официально. Для друзей — просто Салиса. Или Звёздочка, если хочешь. Меня тут некоторые так называют, потому что... — Она ткнула пальцем себе в лоб. — Ну, ты видишь.

Я пожала её руку, всё ещё пытаясь осмыслить этот ураган розового цвета и энтузиазма.

— Нова Ридли, — представилась я. — Портниха.

— Нова! Красиво! — Веша кивнула, энергично, так что розовые волосы подпрыгнули. — Значит, так. Я тут отвечаю за всех, кто работает в отеле. Если проблемы с графиком, если форма жмёт, если кто-то обижает — сразу ко мне. Я разберусь. — Она подмигнула. — У меня тут всё схвачено.

Она вернулась за стол и жестом пригласила меня сесть напротив.

— Ардо сказал, ты хорошая мастерица. Руки золотые, всё такое. — Она склонила голову набок, разглядывая меня. — А глаза у тебя красивые. Золотые. Редкий цвет. У нас на Таласссе таких нет.

— Таласса? — переспросила я. — Это твоя планета?

Салиса просияла. Видимо, говорить о родине ей нравилось.

— Да! Мы, хэссы, оттуда. Мало кто о нас знает, мы народ закрытый, почти не путешествуем. — Она вздохнула, но тут же снова оживилась. — Вся планета — сплошной океан. Города плавучие, подводные, всякие. Красота невероятная! Вода там светится по ночам, а рыбы... ой, я могу часами рассказывать!

— А звезда? — спросила я, кивая на её лоб. — Это у всех ваших так?

— У всех! — Веша гордо коснулась пальцем светящейся

точки. — Это метка с рождения. Когда ребёнок появляется на свет, ему зажигают звезду. Она горит всю жизнь. — Она понизила голос до шёпота: — Говорят, если звезда гаснет — значит, хэссара или хэссар умерли, но я пока не проверяла!

Она засмеялась — звонко, как колокольчик.

— А как различаются? — спросила я, пытаясь запомнить. — Хэссара, хэссар...

— О, ты быстро схватываешь! — обрадовалась Салиса. — Я — хэссара, потому что женщина и не замужем. Если выйду замуж, буду хэсса. Мужчина — хэссар, а женатый — хэсс. У нас в языке всё завязано на браке, представляешь? — Она закатила глаза. — Древние традиции, сил нет. Поэтому я и сбежала!

— Сбежала? — переспросила я, чувствуя странное родство.

— Ну да! — Салиса махнула рукой. — Надоело плавать в этом океане и ждать, пока меня посватают. У нас же как: если хэссара долго не выходит замуж, начинают шептаться за спиной. А мне всего ничего, куда спешить? — Она фыркнула. — Вот я и рванула в большое путешествие. Сказала родителям: «Хочу мир посмотреть». Они, конечно, плакали, но отпустили. У нас свобода выбора всё-таки есть, не как у некоторых...

Она запнулась и посмотрела на меня с внезапной тревогой.

— Ой, прости! Я не хотела... Ты же с Ашхара, да? Я по

глазам вижу. У вас там, наверное, с выбором совсем не так.

Я покачала головой.

— Не так. И я полукровка, мама с Ашхара.

Салиса на мгновение стала серьёзной. Её звезда на лбу чуть потускнела.

— Бедная, — сказала она тихо. — Но теперь ты здесь. Всё хорошо. Прости, что интересуюсь такими личными подробностями.

И вдруг, не успела я опомниться, она подскочила ко мне и обняла. Крепко, по-детски, искренне.

Я застыла. Лептиане не обнимались, точнее очень редко. Ашхариты — тем более. Но от Салисы пахло чем-то сладким, цветочным, и в этом объятии не было ни фальши, ни расчёта. Только тёплая, беспечная доброта.

— Спасибо, — сказала я, когда она наконец отпустила меня.

— Не за что! — Салиса вернулась на своё место и снова подпрыгнула на стуле. — Слушай, а хочешь, я тебе про Талассу ещё расскажу? У нас там такие обычаи! Например, когда хэссар хочет сделать предложение хэссаре, он должен спеть песню под водой. И если она услышит — значит, согласна. Представляешь?

— Под водой? — недоверчиво переспросила я.

— Ага! У нас под водой голос далеко слышно. Вода звук проводит. — Веша мечтательно закатила глаза. — Красиво, наверное. Я сама ни разу не была на такой церемонии, сбе-

жала раньше, но в детстве подружки рассказывали.

Я слушала и не верила. Эта девушка выглядела взрослой, но говорила о жизни с таким детским восторгом, будто ей всё ещё пятнадцать.

— А сколько тебе лет? — спросила я, хотя боялась услышать ответ.

— Двести двадцать три! — беззаботно ответила Веша. — У нас на Талассе это молодость. Моей бабушке, например, шестьсот пятьдесят, и она всё ещё бегает быстрее меня. — Она гордо вскинула подбородок.

Я моргнула.

— Двести двадцать три? — переспросила я, чувствуя, что мой мозг отказывается это переваривать.

— А что такого? — Хэссара удивлённо посмотрела на меня. — А сколько тебе?

— Двадцать три, — сказала я.

Салиса округлила глаза.

— Двадцать три? — переспросила она. — По галактическим меркам ты вообще ребёнок! Обычно свой возраст я не считаю, может и забыла несколько годков. Всего-то вечная молодость, подумаешь!

Я замерла.

— Всего-то? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

На Земле двести двадцать три года, это целая вечность. Несколько поколений. А для неё — просто «всего-то». Она

говорила об этом так, будто речь шла о пустяке, о лёгкой простуде, о забавной мелочи.

Салиса посмотрела на моё лицо и вдруг рассмеялась — звонко, заливисто.

— Ой, у тебя такое лицо! — Она хлопнула в ладоши. — Ты что, никогда не встречала долгожителей? Мы, хэссы, вообще редко путешествуем, так как вода у нас очень целебная, все сидят на планете, молодость берегут. А я вот сбежала! — Она гордо вскинула подбородок. — Надоело плавать и ходить на очередные смотрины.

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Эта девушка, женщина? Прожила больше двух веков, но вела себя как подросток. Беспечная, открытая, искренняя. Она сбежала с родной планеты не от ужаса, как я, а от скуки.

— Ты... удивительная, — выдохнула я.

— Правда? — Салиса просияла. — Мне никто так не говорил! Обычно говорят «странная» или «громкая». А ты сказала «удивительная». — Она вскочила и снова подлетела ко мне. — Мы подружимся, Нова. Я чувствую!

И я почему-то ей поверила.

Выйдя из кабинета, я ещё несколько минут стояла в коридоре, пытаясь осмыслить этот разговор. Двести двадцать три года. Вечная молодость. Розовые волосы и звезда на лбу. Раса, о которой никто не знает, потому что они сидят в своём океане и не высовываются. А эта — высунулась. Сбежала от традиций, от брака, от бесконечного плавания.

Как и я.

Новая жизнь никогда не переставала удивлять. Но впервые за долгое время это удивление было тёплым. Не пугающим. Не опасным. Я улыбнулась и направилась в прачечную — знакомиться с новыми коллегами и начинать очередную главу своей бесконечной, невозможной жизни.

Прачечная оказалась на цокольном этаже главного корпуса — огромное помещение с высокими потолками, где гудели, шипели и мягко вибрировали десятки машин. Воздух пах озоном, чистящими средствами и разогретым текстилем. Здесь всё было организовано с пугающей эффективностью: конвейеры лениво двигались, перебирая горы белоснежного белья, автоматические тележки скользили по разметке на полу, а в углу, за прозрачной перегородкой, кто-то в униформе колдовал над пятном размером с небольшой кулак.

Я остановилась у входа, пытаясь сориентироваться.

— Ты новенькая? — окликнул меня кто-то сбоку.

Я обернулась. Рядом стояла женщина-лептианка — чуть старше Корры, с чешуёй тёплого медного оттенка и тремя руками (четвёртая заканчивалась аккуратным культёй, перетянутой бинтом). Она смотрела на меня без особого интереса, но и без враждебности.

— Нова, портниха, — представилась я. — Мне сказали, моя мастерская при прачечной.

— А, та самая, — кивнула женщина. — Проходи. Я Зара, старшая по смене. — Она махнула культёй в сторону двери в

дальнем конце зала. — Твоя нора там. Машинки все новые, запчасти в шкафу, если сломается — зови Рика, он техник. Не вздумай чинить сама, тут дорогое оборудование.

Я кивнула, запоминая.

По пути к мастерской я разглядывала прачечную. Здесь кипела своя, особая жизнь. Мимо проплыла тележка, гружённая горой полотенец, которую толкало существо, похожее на земного краба — только размером с небольшой автомобиль и с восемью клешнями, ловко перебирающими бельё. У стены двое рабочих — коренастые, с кожей, покрытой короткой шерстью — перекрикивались на гортанном наречии, сортируя простыни.

— Не глазей, — бросила Зара, не оборачиваясь. — Здесь все заняты. Привыкай.

Я заставила себя смотреть прямо.

Мастерская оказалась небольшой, но уютной комнатой с окном во всю стену, выходящим во внутренний двор. За стеклом виднелись пальмы и кусочек бирюзовой лагуны. Внутри — три швейных машины (знакомые, похожие на те, что были у Корры), стол с прибором для раскроя, стеллажи с тканями и нитками, и даже небольшой диванчик в углу.

— Ничего себе, — выдохнула я.

— Нравится? — Зара хмыкнула. — Для обслуги тут неплохо. Курорт дорогой, гости капризные. Если вещь порвут, починить надо быстро и незаметно. Ардо сказал, у тебя руки золотые. Покажи.

Я не стала спрашивать, что именно показывать. Просто подошла к столу, где лежала стопка белья с пометкой «срочный ремонт». Схватила первую попавшуюся вещь — мужскую рубашку из тончайшего полотна с распоротым швом на боку.

Игла мелькнула в пальцах. Три стежка, ещё три, узелок. Пять секунд.

Я протянула рубашку Заре.

Та поднесла её к свету, покрутила, провела пальцем по шву. Её чешуя на лбу чуть приподнялась — кажется, это был знак одобрения.

— Неплохо, — буркнула она. — Совсем не видно. — Она вернула рубашку в стопку и кивнула на гору белья в углу. — Твоё первое задание. Всё это нужно починить к вечеру. Гости после завтрака пойдут на пляж, а к обеду захотят переодеться. Успеешь?

Я посмотрела на гору. Вещей было много, но ничего сложного — в основном мелкие повреждения, оторванные пуговицы, распустившиеся швы.

— Успею, — сказала я твёрдо.

— Вот и славно, — Зара развернулась, но у двери задержалась. — И да, забыла сказать. Обед у нас с двенадцати до половины второго. Столовая для персонала в левом крыле, не перепутаешь, там вывеска. Кормят три раза в день — завтрак, обед, ужин. Всё бесплатно.

Я удивлённо подняла брови.

— Бесплатно?

— А ты думала, — Зара хмыкнула. — Курорт «Иллирийские сады». Здесь даже обслугу не обижают. После работы можешь отдыхать, пользоваться пляжем, только в своей одежде, не в форме. Гостям не положено видеть персонал в униформе за пределами рабочих зон. — Она помолчала. — Короче, рай для работника, если работать хорошо. Ардо хоть и рожа кирпичом, но сотрудников ценит.

Я моргнула, переваривая информацию. Значит мне не показалось, Ардо действительно немного безэмоциональный. Хм... Бесплатная еда. Пляж. Отдых. После лавки Корры, где я ютилась в крошечной комнатке, и после побега, где я ночевала на улице, это звучало как несбыточная мечта.

— Спасибо, — сказала я искренне.

— Не за что, — Зара махнула культёй и вышла.

Дверь закрылась.

Я осталась одна в своей новой мастерской. За окном шумели пальмы, где-то вдалеке смеялись гости, бирюзовая лагуна переливалась на солнце, а передо мной лежала гора белья, которую нужно было победить к вечеру.

Я села за машинку, заправила нитку и начала работать.

Пальцы двигались привычно, почти сами собой. Игла входила в ткань, нить тянулась следом. В этом было что-то успокаивающее — в простой, понятной работе. Не надо думать об охотниках. Не надо гадать, что будет завтра. Просто шить. Просто чинить.

За окном медленно плыло время.

Где-то вдалеке раздался смех — лёгкий, беззаботный. Кто-то плескался в воде. Кто-то наслаждался жизнью. А я думала о Корре. О Салисе с её розовыми волосами и звездой на лбу. О том, что где-то там, в этом огромном, бесконечном космосе, у меня появились друзья. Настоящие.

И о том, что заколка с синим камнем всё ещё лежит в кармане.

Но сегодня я решила не думать об этом. Сегодня я просто работала.

К вечеру гора белья исчезла. На столе аккуратной стопкой лежали готовые вещи — каждая починена, каждая идеальна. Я откинулась на спинку стула и позволила себе улыбнуться.

Первый рабочий день на курорте «Иллирийские сады» прошёл успешно.

Завтра будет обед. И, может быть, пляж. И новая жизнь, которая, кажется, начинала обретать очертания.

Глава 8. Серебристое нечто

Первая неделя на курорте пролетела незаметно. Я втянулась в ритм: утром — завтрак в столовой для персонала (бесплатный, как и обещала Зара, и на удивление вкусный), потом работа в мастерской, обеденный перерыв, снова работа, вечером — ужин и, если оставались силы, прогулка по пляжу.

Пляж и правда был райским. Белый песок, бирюзовая вода, пальмы с огромными листьями, под которыми можно было спрятаться от солнца. В отведённые для персонала часы там почти никого не было — гости предпочитали утро и день, а к вечеру разбредались по барам и ресторанам. Я приходила на закате, когда вода светилась тем самым бирюзовым сиянием, садилась на песок и просто смотрела на горизонт.

Думала о Корре. О Салисе (мы пару раз пересеклись в коридорах, и она каждый раз бросалась обниматься, будто не виделись годы). О том, что где-то там, за пределами этого рая, охотники всё ещё ищут меня. Но здесь, в «Иллирийских садах», об этом думать не хотелось.

Пока однажды вечером мой планшет не пискнул входящим вызовом. Я подскочила на кровати. Планшет я купила ещё у Корры, но пользовалась им редко — в основном читала новости да листала инфосеть. Звонков не ждала.

На экране высветилось: Корра.

Сердце ёкнуло. Я приняла вызов.

— Нова! — голос Корры звучал бодро, но я уловила в нём знакомые нотки усталости. — Живая?

— Живая, — улыбнулась я в ответ. — Устроилась. Всё хорошо.

— Рассказывай, — потребовала она.

Я рассказала. О комнате с окном на пляж, о бесплатной еде, о Заре с её тремя руками, о горе белья, которую победила в первый же день. О Салисе — розоволосой хэссаре со звездой на лбу.

Корра слушала, кивала, и её чешуйчатое лицо постепенно светлело.

— Молодец, — сказала она, когда я закончила. — Хорошо устроилась. Ардо, значит, не подвёл. Ну, я же говорила — старый должник, а честный.

— А у тебя как? — спросила я осторожно.

Корра помолчала. Её лицо на голографическом экране стало серьёзнее.

— Были тут... гости, — сказала она нехотя. — На днях. Мужчины. Ашхариты.

У меня внутри всё похолодело.

— В плащах, с такими... ну, ты знаешь. — Корра поморщилась. — Зашли в лавку, огляделись. Спросили, не появлялась ли здесь молодая ашхаритка. Беглая невеста, знаешь ли.

— И ты... — выдохнула я.

— Я сказала, что знать не знаю никаких ашхариток, — жёстко ответила Корра. — Что у меня тут лептиане, крилланцы, туристы всякие, а ашхариток отродясь не было. И вообще, если вы заметили, у меня четыре руки, а не две, так что своих отличаю.

Я невольно улыбнулась, представив эту сцену.

— Они поверили?

— А какая разница? — Корра пожала плечами. — Документов у них никаких не было, только расспросы. Походили, понюхали, ушли. — Она помолчала. — Но ты будь осторожнее, Нова. Они здесь. На Нексусе. Ищут.

Я кивнула, сглатывая ком в горле.

— Я осторожна. Не выхожу за территорию курорта. В форме только по рабочим зонам. На пляж хожу в своей одежде, как все.

— Умница, — одобрила Корра. — Там, на курорте, ты в безопасности. Ашхаритам туда вход закрыт после одного скандала пару лет назад. — Она хмыкнула. — Так что сиди там, не высовывайся.

— Какого скандала? — спросила я.

— А, долгая история. Кто-то из их важных шишек приехал отдыхать, напился и устроил дебош. Чуть ли не посла оскорбил. Теперь всем ашхаритам на этом курорте — табу. Даже если захотят приехать, не пустят. Служба безопасности на входе сверяет происхождение по чипам.

У меня отлегло от сердца.

— Значит, они сюда не сунутся?

— Даже не попытаются, — уверенно сказала Корра. — Так что ты там как за каменной стеной. Главное, сама не высовывайся за ворота. А внутри можешь жить спокойно.

Я выдохнула. Впервые за долгое время, по-настоящему свободно.

— Спасибо, Корра. За всё.

— Не за что, — буркнула она. — Я тут тебе кое-что скинула. В инфосеть загляни. Пособие для вступительных испытаний. Знакомый мой из комиссии передал. Сказал, абитуриентов в этом году мало, так что конкурс небольшой. Если сдашь нормально — возьмут.

Я замерла.

— Правда?

— Правда-правда. — Корра улыбнулась — той своей редкой, тёплой улыбкой, которую я так любила. — Так что готовься, девочка. Скоро станешь настоящим аналитиком. Будешь летать между звёзд.

У меня защипало в глазах.

— Я не подведу, — сказала я твёрдо.

— Знаю, — кивнула Корра. — Ну, бывай. Я на тебя надеюсь.

Связь прервалась. Голограмма погасла.

Я ещё долго сидела на кровати, глядя в одну точку. Ашхариты. Здесь. Ищут, но сюда не войдут никогда.

Впервые с момента побега я почувствовала себя в насто-

ящей безопасности. Я открыла инфосеть и нашла файл, который она скинула. Пособие для вступительных испытаний в Навигационно-техническое училище. Сотни страниц формул, расчётов, схем.

Я улыбнулась.

Математика. Моя старая любовь. Мой побег из клеток.

Я начала читать.

За окном догорал закат над лагуной, а где-то там, в городе, ходили мужчины в плащах и искали девушку с золотыми глазами. Но они искали её не там. И никогда не найдут.

На следующее утро я работала над особенно сложным заказом. Какая-то инопланетянка случайно порвала платье. Не просто порвала, а зацепилась за декоративную решётку у бассейна и распорола подол от бедра до колена. Когда ей сказали, что платье, скорее всего, не спасти, она упала в обморок. Пришлось вызывать медиков, а платье срочно доставили в мою мастерскую. С подручным — личным помощником самой пострадавшей, который трясся над этим свёртком, будто там было не платье, а ядерная боеголовка.

— Это платье её матери, — объяснил он, разворачивая ткань дрожащими руками. — Фамильная драгоценность. Если не починить идеально, она... она...

Он не договорил, но я поняла. В некоторых культурах такие вещи значат больше, чем жизнь. Я посмотрела на платье. Ткань оказалась невероятной — что-то среднее между шёлком и жидким металлом, переливающееся, с вытканны-

ми вручную узорами, которые напоминали звёздные карты. Разорванный шов шёл по самому сложному участку, захватывая часть узора.

— Сделаю, — сказала я твёрдо. — Но мне нужно время.

— Время есть, — выдохнул помощник. — Она в лазарете, ей ввели успокоительное. До вечера не очнётся.

Он ушёл, а я осталась один на один с этим чудом портновского искусства. Три часа я подбирала нити, восстанавливала узор, вплетала новые волокна в старую ткань так, чтобы шов стал абсолютно невидимым. Пальцы гудели от напряжения, глаза слезились, но я не могла остановиться. Это была не просто работа — это было испытание моего мастерства. Когда последний стежок лёг на место, я откинулась на спинку стула и выдохнула.

Платье выглядело идеально. Даже я, зная, где был разрыв, не могла его найти. Ткань переливалась, узор продолжался, ни одной зацепки, ни одной лишней нити. Я повесила платье на манекен и позволила себе улыбнуться.

Работы вообще-то было немного. Та гора белья, что скопилась до моего прихода, давно исчезла, а в день поступало всего несколько вещей — курорт всё-таки дорогой, гости аккуратные, и рвали одежду не так уж часто. В свободное время я зубрила новые формулы, решала задачи и листала пособие, которое прислала Корра.

Но сегодня, после этого платья, я заслужила отдых.

В этот момент дверь мастерской распахнулась без стука.

— Нова!

Я подскочила от неожиданности. На пороге стояла Салиса — розоволосый ураган в ярком сарафане и с огромной соломенной шляпой на голове.

— У нас обед! — объявила она, сияя. — Не хочешь отдохнуть? Выпить пару коктейлей, поплавать? Погода сказка!

Я замялась.

— Я обычно в обед ем и дальше работаю или занимаюсь, — сказала я неуверенно. — Тут же не так много заказов, я в свободное время к поступлению готовлюсь...

— Нова! — Веша упёрла руки в бока. — Учиться — это хорошо, но отдыхать тоже надо! Ты когда в последний раз вообще отдыхала?

Я открыла рот, чтобы ответить, и поняла, что не могу вспомнить. На Земле отдыхом назывались редкие часы, когда он уходил из дома. На Ашхаре — минуты в спальне без шидра. У Корры вечера за чаем, но это был скорее отдых от бегства, чем настоящий отдых.

— Вот видишь! — торжествующе заявила Салиса, хотя я ничего не сказала. — Тебе надо расслабиться. Искупаться. Выпить коктейль. Посмотреть на красивых мужчин. — Она подмигнула.

— Салиса! — возмутилась я.

— Что? Они тут есть, между прочим. Я уже изучила. — Она засмеялась. — Так что собирайся. Я тебе купальник принесла!

— Купальник?

— Ну да! Знаю, своего у тебя нет, а мы идём на пляж. Так что лови!

Она сунула мне в руки пакет и, прежде чем я успела возразить, вылетела обратно в коридор.

— Я буду ждать у выхода! — донеслось уже издалека.

Я посмотрела на пакет. Потом на платье на манекене. Потом на часы. Обед полтора часа. «Можно и правда отдохнуть», — с сомнением подумала я.

— Ладно, — пожала плечами и пошла переодеваться.

Встав перед зеркалом в своей комнате, я поняла, что эта девчонка совсем не знает, что такое приличия.

Купальник был... излишне открытым.

Небольшие треугольники на груди скорее не прикрывали, а подчёркивали упругие полушария, оставляя больше, чем следовало бы, открытым взглядам. Низ был не лучше — это же стринги! Тонкие полоски ткани, которые, судя по всему, должны были создавать иллюзию одежды, а не выполнять её функцию. Серебристый цвет красиво переливался в свете ламп и очень шёл моей серой коже. Неожиданно шёл. Я повернулась боком, потом другим. Фигура, скрытая до этого мешковатой одеждой и формой, оказалась очень женственной — тонкая талия, округлые бёдра, длинные ноги.

Я распустила волосы, и они чёрной волной упали на плечи, контрастируя с серебром ткани.

— Нда, — сказала я своему отражению. — Выглядит...

достойно.

Неприлично, но достойно. Хмыкнула абсурдности этой мысли. Я подумала о Корре: о том, как она учила меня быть незаметной; о том, как я прятала лицо под капюшоном; о том, что охотники всё ещё где-то рядом; А потом подумала о том, что я здесь, в раю, и что ашхаритам сюда вход закрыт. И что Салиса, мой первый друг на этом курорте, ждёт меня у пляжа.

— Ай, ладно, — сказала я вслух. — Сколько можно закрываться.

Я вышла из комнаты и направилась к выходу на пляж. По пути я поймала на себе несколько взглядов. Сначала я подумала, что мне показалось. Но потом двое мужчин — представители расы, которую я не знала, высокие, с синеватой кожей — откровенно уставились мне вслед. Один из них даже замедлил шаг и проводил взглядом от головы до пят, не скрывая интереса.

Я почувствовала, как щёки обдало жаром. Наверняка кожа потемнела — у ашхариток это выдавало смущение не хуже румянца. Я ускорила шаг, стараясь смотреть прямо перед собой. Ещё двое, уже у самого выхода, обменялись фразами на незнакомом языке и синхронно повернули головы в мою сторону. Взгляды были красноречивее любых слов.

Я почти выбежала на пляж.

Салиса уже ждала меня у входа, развалившись на шезлонге с огромным коктейлем в руке. В такой же открытой, как

у меня, манере, её купальник был ярко-розовым, в тон волосам, и состоял из ещё меньшего количества ткани. Хотя казалось бы, куда ещё меньше?!

Увидев меня, она подскочила. Её брови приподнялись, а рот поражённо раскрылся.

— Нова! — выдохнула она. — Ты такая красотка! И ходишь постоянно в такой закрытой одежде? — Она всплеснула руками. — Это преступление! Настоящее преступление!

Я неловко переступила с ноги на ногу, прикрываясь руками, сама не зная зачем.

— Салиса, это... ну, это слишком открыто, наверное...

— Слишком открыто? — переспросила она таким тоном, будто я сказала глупость. — Дорогая, посмотри на меня! — Она раскинула руки, демонстрируя свой купальник. — Если бы здесь были правила приличия, меня бы давно арестовали! А никого не арестовали. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что это курорт! — Веша засмеялась. — Здесь все отдыхают. И все красивые. И все хотят быть красивыми. Так что перестань прятаться и пошли плавать!

Она схватила меня за руку и потащила к воде.

— А коктейли? — спросила я, оглядываясь на её забытый стакан.

— Потом! — крикнула она на бегу. — Сначала вода, потом всё остальное!

Бирюзовая лагуна плескалась у ног, тёплая, ласковая, обе-

щающая прохладу.

Я сделала шаг. Потом другой.

Вода обняла мои ступни, потом лодыжки, дальше дошла до колен. Где-то позади, в шезлонгах, кто-то смотрел мне вслед. Где-то там, за воротами курорта, охотники искали девушку в капюшоне. Но здесь и сейчас, в серебристом купальнике, под смех розоволосой хэссары, я чувствовала себя свободной.

По-настоящему свободной.

Глава 9. Дрейкириане

Мы плавали, плескались и бегали друг за другом. Я не помнила, когда в последний раз так смеялась, наверное, только в детстве. На Земле, когда я стала старше и встретила его... Смех был роскошью, которую я не могла себе позволить. На Ашхаре — тем более. А здесь, в бирюзовой воде, под ярким солнцем, я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой — той, что не знает, что такое боль и страх, той, что просто счастлива, потому что сегодня солнечный день.

Салиса подначивала меня, дразнила, плескалась водой и уплывала всегда, когда я пыталась до неё добраться. Но каждый раз, когда я всё-таки догоняла её и начинала щекотать, она визжала так, что, наверное, было слышно на другом конце курорта.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — кричала она, извиваясь в моих руках. — Нова, пощади!

— А кто говорил, что я неповоротливая? — хохотала я, продолжая щекотать.

— Я больше не буду! Честно-честно!

Мы выбрались на берег, тяжело дыша и смеясь одновременно. Салиса плюхнулась на песок, раскинув руки в стороны, и уставилась в небо.

— Нова, — сказала она мечтательно. — А ты замечала, что облака здесь похожи на взбитые сливки?

Я легла рядом, чувствуя, как горячий песок обжигает спину сквозь мокрый купальник.

— Наверное, — улыбнулась я. — Я как-то не рассматривала.

— Надо рассматривать! — Хэссара повернула голову ко мне. — В жизни вообще надо рассматривать всё. Каждую мелочь. Потому что когда ты состаришься — а я, между прочим, уже почти старая по меркам множества рас, ты представляешь? — она хихикнула. — Так вот, когда состаришься, вспоминать будешь не великие дела, а вот такие моменты. На пляже. С подругой. И облака, похожие на сливки.

Я посмотрела на неё. Двести двадцать три года, а говорит как ребёнок. И в этом было что-то невероятно правильное.

— Ты права, — сказала я тихо. — Спасибо.

— За что?

— Что вытащила меня. Я бы так и сидела в своей мастерской, уткнувшись в формулы.

— Ой, формулы! — Веша махнула рукой. — Формулы никуда не денутся. А вот солнце — да. Оно сегодня есть, а завтра, может, дождь пойдёт. — Она прищурилась. — Хотя на Нексусе дожди редкость. Климат тут... — Она резко села. — Слушай! А пойдём к бару? Я хочу коктейль! Там такие делают — пальчики оближешь!

— Я не пью алкоголь, — начала я, но Салиса уже тащила меня за руку.

— Там не только алкоголь! У них есть безалкогольные —

«Бодрящие коктейли» называются. Выпьешь и сил прибавляется, как будто поспал. Идём, идём!

Сопротивляться было бесполезно.

Бар на пляже оказался уютным местечком под огромным навесом из пальмовых бирюзовых листьев. Высокие стулья у стойки, мягкие диванчики в тени, лёгкая музыка, вплетающаяся в шум прибоя. За стойкой кто-то колдовал над шейкерами. Когда мы подошли ближе, я разглядела барменшу и на мгновение замерла.

Она была... необычной. Очень необычной.

Белые волосы — не седые, а именно белые, чистого, цвета искрящегося снега — струились до плеч мягкими волнами. Густая челка мягко спускалась, почти закрывая глаза. Из-за затылка, чуть выше линии шеи, поднимались небольшие крылья: перьевые, миниатюрные, скорее декоративные, чем функциональные — они слегка подрагивали, когда она двигалась. Глаза голубые, с опущенными внешними уголками, отчего казалось, что она всегда немного грустная. Но грусть эта была какой-то светлой, доброй, будто она знает о боли всё, но не позволяет ей себя сломать. Черты лица нежные, мягкие, без острых углов.

Она была одета в фиолетовый купальник — глубокий, насыщенный цвет, который красиво контрастировал с белыми волосами. Поверх купальника короткие джинсовые шорты, потёртые, с неровным краем. А ещё чёрный кроп топ с длинными рукавами и закрытой шеей, надетый поверх купальни-

ка.

Я моргнула. Этот образ показался мне до боли знакомым. Джинсовые шорты. Чёрный топ с рукавами. Так одевались на Земле.

— Айла! — закричала Веша, подлетая к стойке. — Привет! Я тебе подружку новую привела!

Барменша подняла глаза, и на её лице появилась улыбка. Медленная, тёплая, будто солнце выглянуло из-за туч.

— Привет, Звёздочка, — сказала она. Голос оказался таким же, как и её лицо — мягким, чуть тягучим, с лёгкой хрипотцой. — Рада тебя видеть. — Она перевела взгляд на меня. — А это, значит, та самая новая портниха, о которой все говорят?

Я почувствовала, что темнею от смущения.

— Все говорят? — переспросила я.

— Ну, не все, — Айла улыбнулась шире. — Но те, кому чинили одежду, очень хвалят. Говорят, руки золотые. — Она протянула мне ладонь через стойку. — Я Айла.

— Нова, — я пожала её руку. Рука была прохладной и мягкой.

— Красавица, — понимающе кивнула Айла. — Салиса рассказывала. — Она бросила на подругу укоризненный взгляд. — Все уши прожужжала про новую подругу с золотыми глазами.

— Потому что она классная! — ничуть не смутилась Веша. — Айла, сделай нам коктейли! Те самые, бодрящие! А

то мы наплавались, устали.

Айла кивнула и принялась за работу. Я смотрела, как она двигается — плавно, без лишней суеты, будто время для неё течёт иначе, чем для остальных. Крылышки на затылке чуть подрагивали в такт движениям.

— Ты... — я замялась, не зная, как спросить. — Твоя раса?

— Я талассианка, — улыбнулась Айла, не оборачиваясь. — Мы с водных миров. Не таких, как Таласса у хэссов, хотя изначально родом с неё, что можно понять по названию расы и планеты Звёздочки, — она кивнула на Салису, — но после переселились. Наша нынешняя планета — Авра. Там всегда туманно и влажно, а мы... — она повела плечом, и крылышки дрогнули. — Это остаточные органы. Когда-то наши предки летали, теперь это только украшение.

— Красиво, — сказала я искренне.

— Спасибо. — Айла поставила перед нами два высоких бокала с жидкостью переливающегося розового цвета. — Держите. «Рассвет над Аврой» называется. Мой авторский рецепт.

Я сделала глоток. Напиток оказался прохладным, чуть шипучим, с привкусом каких-то незнакомых, но приятных фруктов. И действительно, сил прибавилось. Усталость после плавания ушла, будто её и не было.

— Вкусно, — сказала я искренне.

— Айла всё вкусно делает, — подтвердила Салиса, уже

приложившись к своему бокалу. — Она тут главная по коктейлям. Без неё бы все гости разбежались.

— Звёздочка преувеличивает, — улыбнулась Айла, но по глазам было видно, что ей приятно.

Я смотрела на неё и чувствовала какое-то странное, тёплое спокойствие. В ней не было взрывной энергии Салисы, но была глубина. Какая-то древняя, мудрая доброта, которая не нуждалась в словах.

— А где ты взяла эти шорты? — спросила я вдруг, не удержавшись. — И топ?

Айла удивлённо посмотрела на меня.

— На рынке, — ответила она. — В старом городе. Там есть лавка, где торгуют вещами с... как бы это сказать... с очень дальних миров. — Она задумалась. — Продавец сказал, что это с какой-то забытой планеты, чуть ли не из другой галактики. Мне понравилось. Необычно.

Я чуть не поперхнулась коктейлем. Забытая планета. Другая галактика. Земля.

— Очень необычно, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Тебе идёт.

— Правда? — Айла просияла той самой медленной, тёплой улыбкой. — Спасибо. А то я всё переживала, вдруг странно выгляжу.

— Выглядишь отлично, — уверенно сказала хэссара. — Не парься. Ты вообще всегда отлично выглядишь. Даже когда с похмелья.

— Я не пью, — напомнила Айла.

— Ну, когда с недосыпа, — поправилась Салиса.

Мы засмеялись, допивая коктейли, и лениво переговаривались о всякой ерунде. Салиса рассказывала о своих приключениях на курорте — кто из гостей смешнее одевается, кто оставил самые большие чаевые, а кто пытался ухаживать за ней, но получил отворот поворот.

— Представляешь, — щебетала она, — один тип с Ксилона, весь в чешуе, такой важный, приглашал меня на ужин. А я ему: «Милый, мне двести двадцать три года, я старше твоей бабушки». У него глаза на лоб полезли!

Я смеялась, представляя эту картину.

— А что, возраст имеет значение?

— Для ксилонцев да, — кивнула Салиса. — Они живут всего лет сто, для них я вообще динозавр. — Она захихикала. — Динозавр в розовом купальнике.

Я уже научилась не удивляться, когда в её речи проскальзывали слова, которых я не знала. Галактический стандарт вмещал в себя столько заимствований из разных языков, что иногда я просто угадывала смысл по контексту.

— Ладно, — Салиса глянула на свои браслеты — они засветились, показывая время. — Обед скоро кончится. Нам пора возвращаться, а то Зара тебя потеряет, а меня Ардо. Он хоть и выглядит равнодушным, но если кто из персонала опаздывает, делает такое лицо, будто мы ему личные кредиты должны.

Мы встали с шезлонгов, отряхивая песок.

— Спасибо за проведенное время, — сказала я искренне. — Я давно так не отдыхала.

— Обращайся, — подмигнула Салиса. — Я тут главный специалист по отдыху. У меня даже должность такая неофициальная — «организатор счастья».

Мы засмеялись и пошли к выходу с пляжа.

— Ого, — удивилась Салиса. — Что там такое?

Мы подошли ближе, и я увидела, что существа разных рас столпились у стойки, но не для того, чтобы зарегистрироваться. Они глазели. Доставали планшеты, фотографировали, перешёптывались. Я не сразу поняла, что именно привлекло всеобщее внимание, пока не разглядела их сквозь толпу.

В центре внимания стояли трое мужчин и девушка. Высокие, стройные, с безупречными чертами лиц. Их кожа имела лёгкий перламутровый отлив — не такой явный, как у ашхаритов, а более тонкий, едва уловимый, переливающийся на свету, как внутренняя сторона раковины. Но самое поразительное были глаза.

Я смотрела на одного мужчину — он стоял ко мне вполоборота, и не могла отвести взгляд. В его глазах, если приглядеться, двигалась звёздная пыль. Медленно, величественно, будто внутри него текла целая вселенная. Он был красив. Не той красотой, к которой я привыкла на Земле — не мужественной, не брутальной. Другой. Аристократичной.

Утончённой. Будто его вырезал из света и тени гениальный скульптор, а потом вдохнул жизнь.

— Ох ты ж... — выдохнула Веша, останавливаясь как вкопанная. — Дрейкириане!

— Кто? — не поняла я.

— Дрейкириане! — повторила она шёпотом, хотя они нас не слышали. — Ты что, не знаешь? Это же легенда! Они редко покидают свою планету, а если покидают — это событие! Сюда, наверное, самые богатые приехали, раз дрейкириан увидеть можно!

— А почему все так пялятся? — спросила я, чувствуя себя неловко даже просто стоять рядом с толпой зевак.

— Потому что они как звёздные актёры! — Хэссара аж подпрыгивала от возбуждения. — Для других рас они недосягаемы, загадочны. Их боятся и одновременно восхищаются. Понимаешь, у них есть эта способность — Реликвариальный контакт. Они находят свою пару навсегда. Добровольно. Это не принуждение, а высший выбор. Говорят, когда встречаешь своего дрейкирианина — мир останавливается.

— Мир останавливается? — переспросила я, чувствуя, как внутри что-то странно ёкнуло.

— Ага. И потом вы навсегда связаны. Не телепатией, нет. Просто чувствуешь, что твоя вторая половина есть где-то во вселенной. Жива, здорова. Круто, правда?

Я смотрела на троих мужчин, пытаясь разглядеть их сквозь толпу. Они стояли спокойно, с лёгкими улыбками,

привыкшие к такому вниманию. Их спутница, видимо близка с ними, о чем-то говорила с администратором.

— А почему они здесь? — спросила я.

— Ой, я же тебе не сказала! — Салиса хлопнула себя по лбу. — Сегодня же заезд новой VIP-группы! Я видела список. Там дрейкириане, несколько семей. Наверное, прилетели отдыхать. — Она мечтательно закатила глаза. — Представляешь, какая у них жизнь? Вся галактика мечтает на них посмотреть, а они просто прилетели отдохнуть.

Я перевела взгляд на одного из них.

Он стоял чуть в стороне от остальных, слушая, что говорит его спутница, но взгляд его скользил по толпе без особого интереса. Волосы — пепельно-серебристые, аккуратно подстриженные, чуть взлохмаченные, будто он только что провёл по ним рукой. Одна прядь падала на лоб, добавляя образу лёгкой небрежности. Черты лица — безупречные, но не холодные. Высокие скулы, чёткая линия челюсти, тонкие губы, которые, кажется, часто улыбаются. И вдруг, будто почувствовав мой взгляд, он повернул голову.

Наши глаза встретились.

И мир остановился.

Я не знаю, как это описать. Это не было «бабочками в животе» или «сердце ушло в пятки». Это было что-то другое. Гораздо более глубокое. На одно бесконечное мгновение мне показалось, что я слышу музыку. Нет, не слышу — чувствую каждой клеткой тела. Мелодию, которую никогда раньше не

знала, но узнала бы из тысячи. Будто я всю жизнь не знала о существовании какой-то важной части себя и вдруг нашла её.

В его глазах двигалась звёздная пыль — медленно, величественно, завораживающе. И сквозь эту космическую глубину пробивалось что-то ещё. Удивление. Неверие. И узнавание.

Он тоже замер. Я видела, как расширились его зрачки, как на мгновение звёздная пыль в глазах закружилась быстрее. Его спутники что-то говорили ему, но он не слышал. Он смотрел на меня. Вокруг него словно засиял золотой кокон, который уже хотел потянутся ко мне...

— Нова? — голос Салисы донёсся будто издалека. — Ты чего? Заснула стоя?

Я моргнула. Морок спал.

— Всё нормально, — мой голос прозвучал хрипло. — Просто... задумалась.

Мы пошли дальше. Я заставила себя смотреть прямо перед собой, но краем глаза видела, как он повернул голову, провожая меня взглядом. Его спутники оглянулись — видимо, заметили его реакцию.

— Красивые, да? — щебетала Веша, ни о чём не подозревая. — Дрейкириане. Редкость. Ты видела, какие у них глаза? Говорят, у них там внутри целая галактика.

— Видела, красиво, — ответила я тихо.

Я видела. И теперь не могла забыть.

Мы разошлись на развилке — Салиса в администрацию, я в прачечную. Я шла по коридору, механически переставляя ноги, и думала только об одном.

Что это было?

Я никогда не верила в любовь с первого взгляда. На Земле — тем более. Там любовь была инструментом контроля, цепью, клеткой. Там не было места этому странному, щемящему чувству.

А здесь, будто было.

Я вошла в свою мастерскую, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Перед глазами всё ещё стояли его глаза. С целой вселенной внутри. Как они были прекрасны...

— Спокойно, Нова, — сказала я себе вслух. — Ты просто перегрелась на солнце

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.